ПЕРВЫЙ ГЛАВКОМ И ЕГО РУКОПИСЬ

Иоаким Иоакимович Вациетис* (1873—1938) был одним из наиболее видных советских военачальников периода гражданской войны, военным специалистом, отдавшим свои широкие знания, боевой опыт и незаурядную энергию защите завоеваний Великого Октября. Уже с первых дней революции он бесповоротно принял ее и избранному пути остался верен до конца своих дней.

Сын многодетного латышского батрака имения Нейгоф (Яунмуйжа) в западной части Курляндской губернии (ныне — территория колхоза «Комунарс» Яунлутриньского сельсовета Салдусского района Латвийской ССР), И. И. Вациетис сызмальства должен был зарабатывать хлеб насущный. Наперекор судьбе, которую, казалось, должно было определить происхождение, пастушок отлично учился в волостной школе и проявил большую тягу к знаниям. Преодолевая трудности, нужду, И. И. Вациетис поступил в уездное училище и за два года прошел его четырехлетний курс, подрабатывая к тому же на местной спичечной фабрике.

Из-за отсутствия средств о дальнейшей учебе, казалось, и речи не могло быть. Но упорный юноша не сдавался. Он принял решение стать военным, чтобы впоследствии осуществить свою мечту. При первой возможности И. И. Вациетис поступает в Виленское пехотное юнкерское училище. После его окончания он в 1897 году был произведен в чин подпоручика и продолжал службу в Каунасе, затем в Риге.

Во время революции 1905—1907 годов трудящиеся Латвии под руководством социал-демократов приняли самое активное участие в революционных событиях. В. И. Ленин, как известно, дал высокую оценку борьбе пролетариата Латвии, латышской социал-демократии. Хотя И. И. Вациетис и являлся офицером царской армии, он симпатизировал революционному движению народных масс, выходцем из которых был сам. Но этим, очевидно, тогда все и ограничивалось; по крайней мере никакие другие данные не обнаружены.

Строевая служба не могла удовлетворить И. И. Вациетиса. Он много читал, занимался самостоятельно, готовясь поступить в Академию Генерального штаба. Это было особенно трудно, если учесть социальное происхождение И. И. Вациетиса. Однако его упорство, энергия и на этот раз были вознаграждены. Успешно выдержав экзамены, он стал слушателем высшего военного учебного заведения. Спустя два года И. И. Вациетис окончил основной курс Академии Генерального штаба по первому разряду и был переведен на дополнительный курс. Весной 1909 года он завершил занятия и на нем

---

* Эта транскрипция фамилии соответствует принятому ныне правописанию. В документах и исторической литературе, кроме той, которая издана в республике, употребляется прежняя транскрипция — «Вацетис». Отметим заодно, что И. И. Вациетис, как и его отец, носил старое латышское имя Юкумс, которое впоследствии (перед поступлением в Академию Генерального штаба) было изменено на русский лад — Иоаким.

с оценкой «успешно», но без причисления к Генеральному штабу, куда попадали главным образом представители аристократии.

Долгое время И. И. Вациетису пришлось командовать ротой, тогда как другие выпускники Академии Генерального штаба, выходцы из привилегированных кругов, значительно быстрее продвигались по служебной лестнице. Однако И. И. Вациетиса это не смущало, он продолжал усиленно заниматься, готовясь к военно-педагогической деятельности. Но началась первая мировая война.

Подполковник И. И. Вациетис командовал батальоном в боях в Восточной Пруссии, потом в Польше, где под Варшавой получил тяжелое ранение. В ноябре 1915 года был назначен командиром формировавшегося 5-го Земгальского латышского стрелкового батальона, который осенью 1916 года одновременно с другими семью латышскими батальонами, входившими в состав 12-й армии Северного фронта, был развернут в полк. Командуя полком, И. И. Вациетис участвовал в боях под Ригой. Разумеется, в то время он поддерживал лозунг защиты отечества, надеясь, что германские милитаристы, пользовавшиеся симпатиями и поддержкой прибалтийского немецкого дворянства, угнетавшего его народ семь столетий, будут разбиты. Но уже тогда И. И. Вациетис высказывался против неоправданных операций, стремился к выполнению оперативных заданий по возможности с меньшими потерями, отвергая карьеристские соображения, из-за которых реакционный генералитет посылал на бессмысленную смерть многие тысячи солдат. Это не было тайной для начальства, поэтому И. И. Вациетис, спустя четверть века ставший полковником, несмотря на отличные характеристики дальнейшего продвижения по службе был лишен.

Несомненно, латышские стрелки, в большинстве своем безземельные крестьяне, рабочие и ремесленники, оказывали большое влияние на командира полка, близкого им по социальному происхождению, по взглядам, осознавшего гнилость верхов старого строя. Тяжелые потери и самоотверженная агитация большевиков обусловили быструю и массовую революционизацию латышских стрелков после Февральской революции. За несколько месяцев более тысячи их вступили в ряды большевиков, а 17 (30) мая 1917 года, т. е. за пять месяцев до Великого Октября, на своем II съезде стрелки открыто и смело заявили, что избрали путь социалистической революции. В приветственной телеграмме В. И. Ленину они писали: «Мы приветствуем Вас как величайшего тактика пролетариата России, подлинного вождя революционной борьбы, выразителя наших дум и желаем видеть Вас в нашей среде».

Старший офицерский состав латышских полков отнюдь не намеревался следовать примеру стрелков. Но командир 5-го Земгальского латышского стрелкового полка, следя за развитием политической борьбы, все более склонялся влево. Шаг за шагом освобождался он от буржуазно-демократических иллюзий, и когда стрелки, его парни, как И. И. Вациетис любил их называть, узнав о начале вооруженного восстания в Петрограде, прямо поставили перед полковником вопрос об отношении к социалистической революции, ответ последовал незамедлительно и без колебаний: «Я всегда был и буду вместе с земгальцами, куда пойдут они, туда пойду и я». Свои слова И. И. Вациетис тотчас же подкрепил делом: по указанию Военно-революционного комитета 12-й армии он составил план захвата Валки, где после потери Риги размещались контрреволюционно настроенные штаб армии и эсеро-меньшевистский Искосол.

И. И. Вациетис был одним из очень немногих старших офицеров, принявших активное участие в Октябрьской революции, и 21 ноября 1917 года он телеграммой Н. В. Крыленко, назначенного Советским правительством Верховным главнокомандующим вооруженными силами России, т. е. старой армии, и наркомом по военным делам, был выдвинут на пост командующего 12-й армией. В эту должность, однако, вступить не пришлось, так как вскоре последовал вызов в Могилев и назначение начальником оперативного отделения Революционного полевого штаба при Ставке.

В январе 1918 года И. И. Вациетису было предложено командование войсками, направленными для подав-

ления антисоветского мятежа польского корпуса генерала И. Р. Довбор-Мусницкого. Мятежники понесли тяжелое поражение, от полного разгрома их спасло лишь начавшееся наступление германских войск. Оно грозило молодой республике Советов самыми тяжкими последствиями, если учесть, что совпало со стихийной демобилизацией старой армии, к тому времени практически переставшей существовать, а Рабоче-Крестьянская Красная Армия только начала создаваться. Все же германские захватчики во многих местах получили серьезный отпор. На территории Белоруссии в организации сопротивления врагу активное участие принял и И. И. Вациетис.

После заключения Брестского мирного договора И. И. Вациетис прибыл в Москву и приказом Народного комиссариата по военным делам от 13 апреля 1918 года был назначен начальником Латышской стрелковой советской дивизии, сформированной из вступивших в Красную Армию латышских стрелковых полков. По поручению Наркомвоена он наблюдал также за созданием других красноармейских частей в столице и ее окрестностях. Как кадровый военный, он всецело поддерживал точку зрения Центрального Комитета РКП(б) по вопросу строительства советских вооруженных сил на основе регулярности и строгой централизации.

Когда 6 июля 1918 года в Москве вспыхнул мятеж левых эсеров, по поручению В. И. Ленина И. И. Вациетис составил оперативный план разгрома мятежников и руководил участвовавшими в нем латышскими стрелками и другими частями. Ответственное задание было выполнено точно и быстро — уже на следующий день с эсеровской авантюрой было покончено. Спустя несколько дней В. И. Ленин вновь вызвал в Кремль начальника латышской стрелковой дивизии — ему было предложено вступить в командование Восточным фронтом.

Восточный фронт стал, в сущности, первой обширной ареной вооруженного столкновения сил социалистической революции и ее врагов. В то время из-за предательства бывшего командующего левого эсера подполковника М. А. Муравьева фронт находился в очень тяжелом состоянии. Для упрочения положения и отражения опасности на востоке Центральный Комитет РКП(б) 29 июля 1918 года принял специальное постановление, и на этот главный участок гражданской войны направлялось большинство мобилизованных коммунистов. Ряды Красной Армии крепли.

На Восточном фронте И. И. Вациетис проявил неиссякаемую энергию и военный талант. До тех пор имевший, по существу, опыт командования в боевой обстановке лишь полком, он тем не менее доказал, что вполне соответствует этому назначению как организатор, как военачальник, способный решать стратегические задачи, осуществлять оперативное руководство войсками. Уже через десять дней после прибытия в штаб фронта в Казань, И. И. Вациетис, убежденный поборник активных наступательных действий, представил Революционному военному совету Восточного фронта план операции, основанный на решении энергичным ударом отбросить неприятеля с линии Волги на восток, в случае успеха выдвигаясь до линии Актюбинск — Орск—Троицк—Курган—Тюмень. К сожалению, осуществить это решение оказалось невозможным из-за неподготовленности войск. Известный историк гражданской войны А. В. Голубев вполне обоснованно указал, что этот план, хотя и имел недостатки, «был все же, несомненно, смелый, широкий и целеустремленный план, в котором И. И. Вациетис выступал как военный деятель крупного масштаба...»*

Поддержанный Реввоенсоветом фронта, И. И. Вациетис отверг разбросанность сил, считая необходимым сосредоточить войска на главных направлениях, не переставал напоминать командованию армий о необходимости внимательно следить за флангами, стимулировал переход к активным действиям, ставя задачу подвергать налетам тылы и коммуникации белогвардейцев. Он требовал также соответствующим образом использовать военную технику, т. е. артиллерию, самолеты, флотилию. Часто выезжая в районы действий полевых армий, командующий

---

* «Военно-исторический журнал», 1972, № 2, с. 76.

фронтом на месте доказывал преимущества обхода и охвата по сравнению с лобовым ударом, всецело поощрял инициативу, умелые действия, основанные на понимании сложившейся оперативной ситуации. Как известно, Центральный Комитет РКП(б), В. И. Ленин внимательно следили за развитием событий на востоке, за действиями И. И. Вацietиса, который регулярно информировал В. И. Ленина и Я. М. Свердлова о положении на фронте, своих решениях и действиях войск.

В начале августа 1918 года противник повел наступление на Казань. Оборону города пришлось вести в трудных условиях, ожидаемые резервы запаздывали. Чтобы выиграть время, заставить неприятеля выдохнуться, командующий фронтом решил оборонять Казань до последней возможности. Рискуя жизнью, он сам с винтовкой в руках участвовал в уличных боях и с группой латышских стрелков — защитников города — одним из последних оставил его. Расчет оказался правильным: белогвардейцы не смогли продолжить наступление на Нижний Новгород (ныне Горький). Красная Армия, подтянув подкрепления, стабилизировала положение, а затем приступила к активным действиям по освобождению Среднего Поволжья. Захват Казани оказался последним значительным успехом контрреволюции на востоке летом 1918 года.

Белогвардейцы вынуждены были признать, что Красная Армия не только окрепла, но и что выучка ее частей растет. Уже во второй половине августа инициатива прочно перешла на сторону Красной Армии. И. И. Вацietис умело дезориентировал командование белогвардейцев. Они так и не сумели раскрыть его замысел, и спохватились лишь после того, как части Красной Армии, заставив неприятеля растянуть свои силы на широком фронте, решительными ударами прорвали оборону под Казанью, а вслед за тем под Симбирском (ныне Ульяновск).

В самый разгар этой победоносной операции, которая привела к освобождению всего Среднего Поволжья, И. И. Вацietис был назначен на должность Главнокомандующего Всеми Вооруженными Силами РСФСР. Его кандидатура на этот пост еще в двадцатых числах августа была выдвинута В. И. Лениным, который, поддержав соображения о введении единого командования для всей Красной Армии, как известно, прямо поставил вопрос: «Не назначить ли Вацетиса Верховным главнокомандующим!»*

Обязанности Главкома И. И. Вацietис стал исполнять с 7 сентября 1918 года, хотя еще три недели продолжал руководить Восточным фронтом, где, по определению В. И. Ленина, был достигнут перелом в настроении красноармейцев, произошел переход «к твердым, решительным победоносным действиям»**. Должность Главкома потребовала от И. И. Вацietиса осмыслить возможное развитие гражданской войны, ее особенности, и на основе общих директив партии, ее Центрального Комитета и В. И. Ленина осуществить стратегическое планирование, создание и рациональное использование боевых резервов.

В начале осени 1918 года, когда Красная Армия продолжала успешное продвижение на востоке, усложнилась ситуация на юге страны. Ровно через месяц после вступления в должность Главкома И. И. Вацietис лично докладывал В. И. Ленину о стратегическом положении Советской Республики и задачах Красной Армии. Он указывал на необходимость разгрома контрреволюции на юге, как на самую важную стратегическую задачу, решение которой сулило и общеполитические и экономические выгоды. В. И. Ленин одобрил предполагаемые действия Главного командования и в дальнейшем всячески способствовал осуществлению плана по разгрому Краснова.

И. И. Вацietис умышленно втянул белоказаков в зимнюю кампанию, лишив их перевеса в кавалерии и заставив действовать в пешем строю, т. е. в непривычных для них условиях. Одновременно он обратил внимание командования Южного фронта на степной характер местности, предлагал избрать несколько наиболее важных направлений и тщательно изучить, где удобнее нанести удар.

---

* Ленинский сборник, т. 37. М., 1970, с. 101.

** Ленин В. И., Письмо красноармейцам, участвовавшим во взятии Казани. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 96.

Как обычно, Главком следил за всем ходом подготовки к наступлению — переброской войск, снабжением их и т. п., особое внимание обращая на налаживание взаимодействия советских войск на юге.

При решении стратегических и оперативных вопросов Главком И. И. Вацietис вникал в самую суть их, стараясь заранее предвидеть действия противника, определить его скрытые возможности. Смелые замыслы Главкома основывались на тщательном анализе обстановки и, по возможности, точном предварительном расчете.

Центральный Комитет РКП(б), лично В. И. Ленин всемерно поддерживали точку зрения Главкома И. И. Вацietиса о первоочередности задач, стоявших перед Южным фронтом. В телеграмме председателю Революционного военного совета Республики (РВСР) 3 января 1919 года В. И. Ленин, в частности, писал: «Я очень обеспокоен, не увлеклись ли Вы Украиной в ущерб общестратегической задаче, на которой настаивает Вацетис и которая состоит в быстром, решительном и общем наступлении на Краснова...* Эта поддержка Главкому была весьма необходима.

Вскоре попавшие в полуокружение красновцы были вынуждены отступить за Дон и продолжали откатываться назад. Им было нанесено тяжелое поражение.

Осенне-зимнюю кампанию 1918—1919 годов Красная Армия, несмотря на отдельные неудачи, выиграла, и к февралю 1919 года освободила от интервентов и белогвардейцев огромную территорию — свыше 850 тыс. кв. км с почти 40 млн. жителей**. Волей народов были образованы советские республики Украины, Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии.

И. И. Вацietис и многие другие старые военные специалисты на собственном опыте убеждались в высокой эффективности политработы среди красноармейцев и сами все шире стали опираться на нее в целях укрепления боеспособности советских войск. В свою очередь VIII съезд РКП(б) одобрил привлечение к строительству вооруженных сил Советской Республики старых военных специалистов. По заданию Центрального Комитета РКП(б) по этому вопросу на съезде выступил член РВСР С. И. Аралов, которому В. И. Ленин в предварительной беседе рекомендовал упомянуть конкретных лиц, первым назвав Главкома И. И. Вацietиса.

Весна 1919 года принесла резкое обострение ситуации на востоке, где колчаковским войскам удалось добиться значительных успехов. Восточный фронт снова приобрел значение главного. После консолидации положения Красная Армия в конце апреля 1919 года перешла в контрнаступление. Оно развивалось успешно, предвещая разгром Колчака. Но к этому времени осложнилась ситуация на юге и на западе страны. В первой половине июня серьезная угроза колыбели революции вынудила временно признать важнейшей задачей оборону Петрограда.

Это не позволяло уделить должное внимание Деникину, несмотря на то что угроза социалистическому государству все отчетливее вырисовывалась именно на юге. Во второй половине июня 1919 года Главком И. И. Вацietис окончил разработку своего плана разгрома Деникина, предусматривая реализовать его в районе Донской области и Украины, чтобы лишить врага возможности отойти на Северный Кавказ. Главный удар согласно указанному плану предполагалось нанести правофланговыми армиями Южного фронта в общем направлении на Новочеркасск. Правда, во время решающих событий на Южном фронте И. И. Вацietис не являлся уже Главкомом, сам разгром деникинцев произошел в иной ситуации. Но тем не менее следует заметить, что разгром контрреволюции на юге во многом базировался на основных идеях его плана.

Назначенный для особо важных поручений при РВСР, И. И. Вацietис осенью 1919 года стал и преподавателем Академии Генерального штаба Красной Армии (ныне Военная академия им. М. В. Фрунзе), где работал до конца жизни (28 июля 1938 года). Преподавал он историю войн, а также тактику, руководил практическими занятиями. Летом 1927 года

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 235—236.

** «Исторический архив», 1958. № 1. с. 41.

И. И. Вациетис был удостоен только что введенного звания «профессор высших военно-учебных заведений РККА». В связи с утверждением персональных военных званий начальствующему составу Красной Армии ЦИК и Совет Народных Комиссаров Союза ССР 20 ноября 1935 года утвердили И. И. Вациетиса, находившегося тогда в распоряжении Народного комиссара обороны СССР, в воинском звании командарма 2-го ранга. За заслуги перед Советской Родиной в годы гражданской войны первый Главком ее Вооруженных Сил был награжден орденом Красного Знамени, а за военно-педагогическую деятельность — орденом Красной Звезды.

Несмотря на занятость, И. И. Вациетис немало времени уделял научно-исследовательской деятельности, принимал активное участие в работе Военно-исторической комиссии. Одним из первых он обратил внимание на необходимость серьезного изучения опыта гражданской войны и подал личный пример, выступив 21 ноября 1919 года на заседании названной комиссии с докладом: «Строительство Вооруженных Сил в огне и влияние его на стратегию». Перу И. И. Вациетиса принадлежит и целый ряд книг, в основном на военно-историческую тему, а также множество статей в периодике. Так, в 1922—1924 годах в двух частях был опубликован его труд «Историческое значение латышских стрелков» (на латышском языке), в 1923 году — книга «О военной доктрине будущего», через два года вышел труд, посвященный вопросам военной психологии под названием «Человек и война». Но это не все. И. И. Вациетис оставил и богатое рукописное наследие, представляющее определенную историческую ценность.

Одна из рукописей И. И. Вациетиса, хранящихся в Центральном государственном архиве Советской Армии, выделяется своим чисто автобиографическим характером, представляя интерес не только для историков, но и для более широкой аудитории. Речь идет о рукописи, которую сам автор озаглавил «Моя жизнь и мои воспоминания». Долгое время о ее существовании ничего не было известно, она была обнаружена в первой половине 60-х годов. В оригинале рукопись представляет собой несколько более двухсот пятидесяти страниц, исписанных простым карандашом собственноручно И. И. Вациетисом шестьдесят лет назад. Работа над воспоминаниями началась сразу же после освобождения от должности Главкома, и это лишний раз подтверждает неуемную жажду деятельности, присущую И. И. Вациетису. Как только настал относительно более спокойный момент в его насыщенной событиями жизни, впервые за много месяцев появилась возможность продумать пройденный путь, он не упустил эту возможность.

Эта рукопись, предлагаемая вниманию читателей «Даугавы», дает возможность лучше узнать человека, которому было суждено сыграть видную роль при защите первого в мире социалистического государства в столь сложный и тяжелый период, каким явилась гражданская война. Как бы раскрывая лаконичные данные служебных анкет и т. п. документов, автор этого уникального в своем роде автобиографического материала, хотя не без известной доли субъективизма, вообще присущего мемуарам, не только сообщает факты, излагает события, но и размышляет над ними, высказывает свои, порой необычные, оригинальные суждения. О внутреннем порядке в старой армии писали многие. Все же узнаем и нечто новое, заодно проследив, каким путем достигалось повышение образовательного уровня автора. Узнаем о бездушном формализме, господствовавшем в юнкерском училище, задумаемся о той поистине самостоятельной подготовке, которая предшествовала поступлению И. И. Вациетиса в Академию Генерального штаба. Офицер, выслужившийся из солдат, или, по тогдашнему определению, из мужиков, на каждом шагу встречался здесь с привилегиями и высокомерием аристократов, по отношению к которым более снисходительными были и профессора, старавшиеся, между прочим, косвенно выведать о политических убеждениях или симпатиях слушателей академии.

Много лет И. И. Вациетис командовал ротой, а командир ее был обязан «безапелляционно отбывать скучную и трудную казарменную барщину без особой перспективы насчет повышения по службе». Сто-

ит прислушаться к его словам, передающим настроение офицеров-строевиков, отметить указание на нездоровое соперничество, присущее царской армии.

Многое в рукописи лишь затронуто мимоходом, немало остается, так сказать, за кадром. Это относится, к примеру, к революции 1905—1907 годов. Между тем известно, что она не обошла стороной И. И. Вациетиса и его семью.

Известно, что, подвергая риску свою репутацию, он во время наступления реакции путем личного вмешательства с трудом смог спасти от расправы своего брата Яниса, принимавшего участие в революционных событиях. Был он и очевидцем зверств черносотенцев-карателей, оставивших неизгладимый след в его сознании. Это подтверждают статьи в советской печати в разгар гражданской войны. То же самое относится к периоду Великого Октября и гражданской войны, имевшего столь важное место и в биографии автора рукописи.

Легко констатировать, что в своей заключительной части воспоминания значительно более лаконичны. Не приходится гадать, почему случилось так, ибо для И. И. Вациетиса вскоре опять настали дни, до отказа заполненные делами поважнее. Это, думается, и заставило быстрее подвести черту, поспешить поставить точку. Но оборвать воспоминания на полуслове противоречило складу характера, вот и пришлось заключительную часть изложить в таком сжатом виде. Утешением для нас, однако, может послужить то, что указанному периоду И. И. Вациетис позже посвятил немало строк. Об этом свидетельствуют не только опубликованные работы, но еще в большей степени оставленные им рукописи.

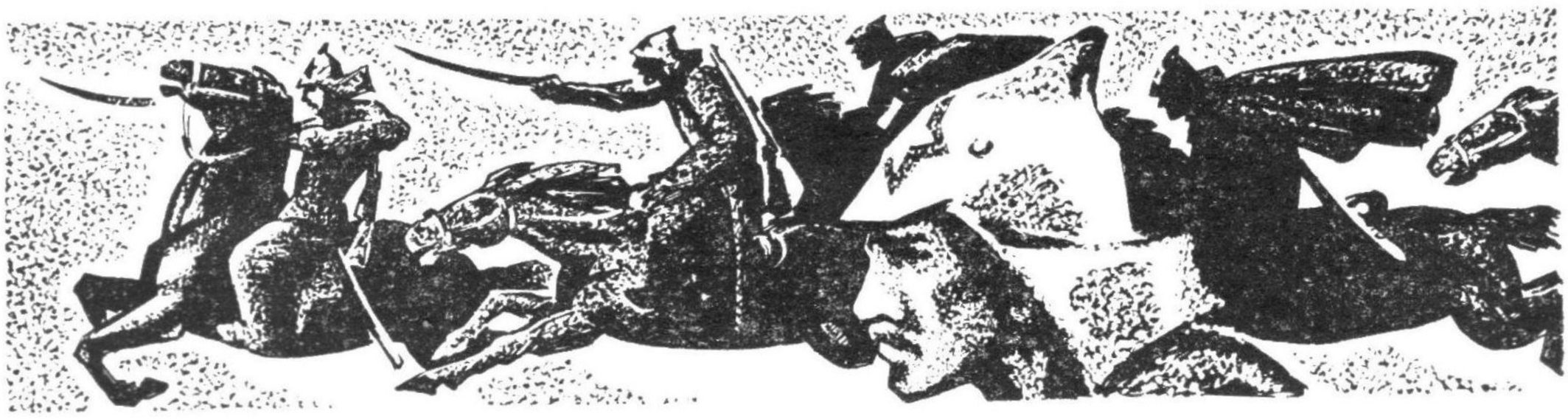
Для журнала «Даугава» текст воспоминаний И. И. Вациетиса сокращен и отредактирован, в отдельных местах сделаны перестановки, исходя из общего хронологического принципа построения рукописи. Даны пояснения к тексту в отношении отдельных упомянутых фактов, терминов, лиц и т. д., указаны изменения в географических названиях. К тому же содержание «Моей жизни и моих воспоминаний» предварительно сравнено с автобиографией автора, опубликованной в 1922 году*. Оттуда взяты некоторые интересные сведения, как это было сделано и при подготовке публикации рукописи И. И. Вациетиса в журнале «Карогс» [Знамя] в 1977 году. На русском языке «Моя жизнь и мои воспоминания» И. И. Вациетиса публикуется впервые. Тем, кто хочет больше узнать о первом Главкоме наших славных Вооруженных Сил, советуем ознакомиться с вышедшим недавно сборником документов**, посвященным именно периоду 1918—1919 годов, о котором так скупо говорится в автобиографии.

В. БЕРЗИНЬШ,
Б. ДРОБОТ.

---

* Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, т. 41. ч. 1. М., 1922. Приложение «Деятели Советского государства», стлб. 62—73.

** Главнокомандующий Всеми Вооруженными Силами Республики И. И. Вациетис. Сборник документов. Рига, 1978, 363 с.

И. И. ВАЦИЕТИС

МОЯ ЖИЗНЬ И МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

1.

Прошел, несомненно, определенный период моей жизни, имеющий начало и завершение. Начало — появление на свет 11 ноября 1873 г., а завершение — пребывание ровно год, день в день, на посту Главнокомандующего Всеми Вооруженными Силами РСФСР, на который я был назначен 8 июля 1918 г.[1] и освобожден 8 июля 1919 г.

Родился я в семействе чрезвычайно бедном, которое от этого прибавления счастливее не стало. Я был шестым по счету. Детей всего было восемь: пять сыновей и три дочери (один сын умер восьми лет)[2].

Отец мой был батрак в мызе Нейгоф Курляндской губернии, Гольдингенского уезда. Он еще был жив[3], мать умерла ровно десять лет тому назад[4]. В 1903 г.[5] мы со старшим братом купили усадьбу[1] в той же Нейгофской волости[2] и там поместили отца и мать, где они могли жить безбедно после своих чрезвычайно тяжелых трудов.

Кажется, стоит оглянуться на минувшие сорок пять лет и рассмотреть подробно тот тяжелый путь вперед, к намеченной цели, который мною пройден и пройден самостоятельно, без нянек, без гувернанток, в постоянной борьбе за кусок хлеба. Долгие годы пришлось терпеть крайнюю нужду, зарабатывать себе хлеб насущный, одежду и учиться, учиться без конца.

Если бы сложить на одну телегу все те книги, по которым я занимался, а многие я выучил от корки до корки, то, вероятно, я не в состоянии был бы потащить получившийся воз. Сначала в моем ученье не было системы, не было общей программы. Было что-то беспорядочное. Позднее, когда я окончательно наметил цель моей жизни, стало ясно, что путь, который ведет к ней, усеян учебниками, что учебник будет играть в моей жизни громадную роль. Стало ясно, что мне предстоит приобрести массу сведений и усвоить громадный объем знаний, чтобы с успехом выдерживать целый ряд предстоящих конкурсных экзаменов.

С шести лет я начал борьбу за существование. К этому вынуждала бедность моих родителей, которые

---

[1] И. И. Вациетис допускает неточность: 11 (а не 8) июля 1918 г. постановлением Совнаркома РСФСР он был назначен Главнокомандующим Восточным фронтом. Назначение на пост Главнокомандующего Всеми Вооруженными Силами Республики (РСФСР) состоялось по решению ВЦИК от 2 сентября 1918 г.

[2] У И. И. Вациетиса были братья: Эрманис, Янис, Ансис и Яанис, и сестры: Баба, Либа и Анна. В 1877 г. умер брат Ансис (1870—1877). Данные взяты из материалов Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР (в дальнейшем — ЦГИА ЛССР).

[3] Отцу (1836—1920) в упомянутое время шел 83-й год.

[4] Мать И. И. Вациетиса — Лизе (ее девичья фамилия была Лиепа) умерла в возрасте 70 лет.

[5] Тогда автор рукописи был уже поручиком.

[1] Название ее было «Кепалас» (позже — «Буртниеки»).

[2] С 1891 г. упомянутая в тексте волость входила в состав Лубинской волости.

своим трудом не могли нас, семерых детей, прокормить. Благодаря этому я так рано столкнулся со множеством людей: бедных и богатых, ученых и неграмотных, хороших и скверных, окончательно испорченных.

Больше всего я завидовал тем, кто мог хорошо поесть, хорошо выспаться и хорошо одеваться. Вероятно, такого рода зависть проснулась во мне прежде всего потому, что я был лишен всех этих благ. Я видел, что дети богатых учились в городе, их возили туда на собственных лошадях, родители могли платить за ученье. Многие учились плохо, некоторые вовсе учиться не хотели, а их все-таки отдавали в гимназию, в семинарию, принуждали учиться.

Я хотел учиться, я чувствовал, что способен усваивать преподаваемую премудрость, но мои родители не имели денег, и я был вынужден идти не этим путем, а путем житейским, ведущим прямехонько в батраки.

С самой ранней юности я сознавал всю несправедливость на земле и все обиды, которые терпели бедные люди.

Старшие братья тоже не хотели быть батраками и пошли учиться ремеслу. Я же работал и учился, мечтая стать сильным мира сего, чтобы помочь бедным людям лучше устроить свою жизнь.

Бедными и горемычными я считал батраков, с городской жизнью я совершенно не был знаком. Мне даже казалось, что простые люди в городах живут счастливо, что они богачи, дети учатся на равных с детьми богатых. Многие батраки — пожилые, семейные и неженатые парни — уходили в город, не желая быть батраками. Из города они приезжали в деревню гостить хорошо одетые, в штиблетах. Некоторым в городе повезло, они неплохо зарабатывали и пополняли ряды мелкой буржуазии.

В то время как батрацкая масса спасалась от невыносимого гнета, устремляясь в города, в свою очередь пролетариат из прибалтийских

Мемориальный дом-музей И. Вациетиса

городов устремлялся в Россию, преимущественно к берегам Азовского моря и в Сибирь. Некоторые, наиболее предприимчивые представители городского пролетариата, уезжали в Южную Америку, в Бразилию, особенно это было заметно в девяностые годы.

Власть барона над батраками была беспредельно велика. Можно сказать, барон для них был всем. Человек начинался от барона, а батрак был лишь его рабочей силой, которую он покупал, выжимал все соки, а иногда забирал и жену и дочь, вводил право первой ночи. Серые бароны, т. е. мелкие земельные собственники из латышей, державшие по два-три батрака, в общем обходились с ними человечнее в том смысле, что жалели все-таки в батраке рабочее животное, однако ничуть не заботились, чтобы батрак стал богаче, развитее, культурнее.

Батрак работал не только от зари до зари, а также и ночью. Для батрака не было ни праздника, ни отдыха, его никто не спрашивал, есть ли у него теплая обувь и шуба, чтобы выдержать поездку в дальний город в зимнюю стужу; может ли он уехать на неделю, когда его жена и дети лежат при смерти. Врача в таком случае никто не позовет.

Заработка моего отца не хватало на прокормление многочисленной семьи, и поэтому пришлось отдавать нас, детей, с малолетства по чужим людям, «к хозяевам», чтобы зарабатывать себе средства существования сельскохозяйственным трудом. Обыкновенно отдавали нас на лето от 28 апреля до 15 октября. Батраков нанимали на год, от 23 апреля до 23 апреля следующего года. Та-

ким образом, в Прибалтике для батрацкого сословия существовал традиционный Егорьев день, сохранившийся до революции. 23 апреля по всей Прибалтике представлял собою день народной скорби: беднота переезжала в этот день от одного хозяина к другому, в надежде, что у нового работодателя будет лучше. В этот исторический день все транспортные средства хозяев, в особенности плохих, были заняты перевозкой скарба вновь нанятых батраков. У такого сорта «благодетелей» батраки менялись каждый год, и приходилось ездить за новыми через 2—3 волости. Восемь раз в течение восьми лет пришлось мне шагать 23 апреля к хозяину и 15 октября возвращаться домой с заработанным пайком, которого до следующего 23 апреля обыкновенно не хватало. По расценкам 1887 г., например, я, юноша 14 лет, заработал, в переводе на деньги, от 23 апреля до 15 октября около 13 рублей, на хозяйских харчах. Обыкновенно являлись дети от хозяев исхудалыми, так как нас кормили хуже, чем взрослых батраков. Отдавать детей к хозяевам считалось несчастьем. Этот вид эксплуатации детского труда существовал только для батрацких детей; дети разночинцев и горожан росли в иных условиях: у них было беззаботное детство, они посещали школу круглый год.

Батрак вынужден был мириться с тяжелой участью своих детей: он был беден и его семья разделяла его участь бедняка. Он вынужден был отдавать своих детей с самого раннего возраста хозяевам для того, во-первых, чтобы они не голодали и, во-вторых, чтобы дать возможность им зимой посещать местную волостную школу; те батраки, которые своих детей не отдавали хозяевам, должны были платить за право обучения штраф — три рубля. Отдавать своего ребенка на лето вне своей волости батрак тоже не имел права; те, кто это делал, должны были платить штраф — три рубля. Такой порядок был заведен для того, чтобы разоренные баронами волости не лишались дешевых рабочих рук. Протестовать против таких рабских порядков было бесполезно, ибо в руках хозяев была мызная полиция и волостная тюрьма. Никакой протест не получал законного выхода. Поэтому напряженность глухого скрытого брожения среди батрачества росла от поколения к поколению, неоднократно давая взрывы, трактуемые при царизме как нарушение общественного спокойствия, караемые казацкими нагайками и тюрьмой.

Самая высшая ступень просвещения и знаний для детей батрака — волостная школа, которая ставила своей задачей наставление в житейских правилах посредством закона божия. Дети учили наизусть десять заповедей, вкратце Ветхий и Новый завет, немного арифметики, географии, а больше всего времени посвящалось закону божьему, пению духовному и светскому и выработке красивого почерка.

2.

Я помню своего деда и бабушку. Они жили у моего отца. Деду было лет сто, бабушке лет девяносто[1]. Дед был уже ненормальный. Он страдал манией величия и преследования. Он всех называл проклятыми, всех страшно ругал.

Мы жили в одной комнате: отец, мать, нас шестеро детей[2], дед, бабушка. Комната была шириной шагов 15 и длиной шагов 12. К одной стене примыкала огромная печь, где пекли хлеб и которую топили зимой. Комната освещалась лучиной, которая сильно чадила и дымила. Здесь же зимой стирали, здесь же умирали, когда наступал черед. Иногда сюда приносили из хлева отогревать ягнят и телят.

Мои родители прожили в этой комнате 38 лет. Уже офицером, в 1897 г., я приехал к родителям погостить. Они жили все в той же комнате. Только тогда я отчетливо понял, в каких ужасных условиях приходится жить батраку.

---

[1] Данные материалов ЦГИА ЛССР свидетельствуют, что дед — Атис Вациетис — умер в 1877 году в возрасте 71 года. Очевидно, он оставлял впечатление более старого человека. Бабушка умерла пять месяцев спустя.

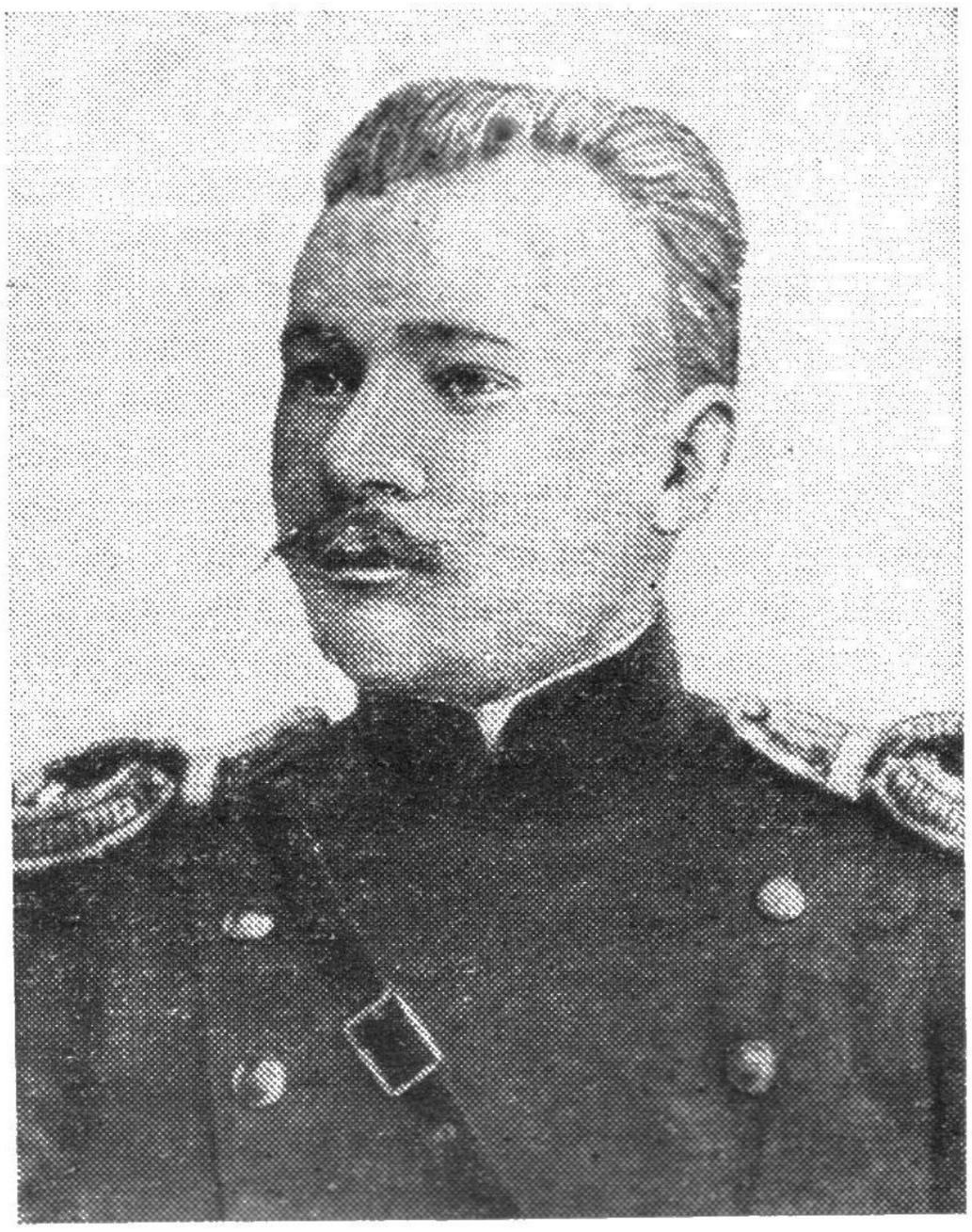
[2] По всей вероятности, речь идет о 1877—1878 гг., когда еще не родилась младшая сестра И. И. Вациетиса Анна Андерсоне (1878—1973, урож. Вациете).

С малолетства я не отличался цветущей наружностью, хотя до 15 лет рос шибко. С 15 лет мой рост прекратился, и я стал раздаваться по фронту, т. е. в ширину, в особенности в плечах. Меня бранили: какой длины, такой и ширины, т. е. квадратный. Я был худ, бледен, задумчив, наблюдателен, но, как говорится, из шустрых. Трех лет мне ничего не стоило забраться на вершину дерева, на высокую крышу и оттуда дразнить более робких.

Раз я забрался на высокий чердак и упал оттуда головой на камень и сильно разбил себе затылок. Подбежали старшие братья, а потом и мать. Сначала я получил здоровую порку, а потом началось лечение домашними способами. Лекарством служил квасцовый камень, его пережигали на горячем кирпиче и в мелко истолченном виде засыпали раны, которые замечательно быстро зажи-вали.

Дом, в котором мы жили, был построен из обыкновенного камня, причем круглые бока его местами выпирали внутрь. Внутри избу иногда белили. Это случалось на праздники или когда предстояли свадьба или похороны. Осенью, зимой и весной стены покрывала плесень, которая смешивалась с копотью от лучины, образовывая на стенах густую жидкость, похожую на деготь. Пол был из досок, но потом, когда они прогнили, управляющий решил, что дешевле выйдет, если пол сделать глинобитным. Этот пол давал страшно много пыли, а весной и осенью, когда со двора наносили ногами в комнату грязь, верхний слой глины терял свою твердость и сам обращался в грязь. Можно представить себе, какой вид принимало это человеческое жилище. У барона на конюшне было просторнее и больше комфорта. К потолку по диагонали прибито приспособление, похожее на шведскую лестницу, где вешали мокрые хомуты и сбрую. И то и другое рабочие сносили в нашу избу и понавешивали так штук двадцать-тридцать для сушки. Все намокшие хомуты и сбруи воняли лошадиным потом и навозом. Вонь была ужасная.

Теперь примите во внимание тесноту самой избы, то, что она освещалась лучиной, что в ней же сушилась сбруя, и тут же помещалась большая семья, человек 10—12, и весь скарб, — и вы увидите обстановку, в которой жил батрак.

И. Вациетис — юнкер Виленского пехотного училища (1895—1897 гг.)

Кстати, должен заметить, что наша изба слыла одной из самых лучших, так как мой отец считался старшим батраком, т. е. его обязанностью было косить впереди всех, обсеять все поля, первым явиться на работу, больше всех работать. Старшим батраком обыкновенно выбирали самого сильного, физически здорового, именно такого, который сам с себя драл семь шкур и других тянул за собой.

Были избы еще хуже. Некоторые семейства жили все равно что в карцере, где можно или лежать или сидеть, ходить было негде. В больших избах жили по три-четыре семейства — по числу углов.

Дед был чрезвычайно интересный тип. Отец рассказывал, что он когда-то был богатым. Ему принадлежала большая усадьба в этой же волости, на каких правах — не помню. У деда было много лошадей, коров, овец, большие богатые поля. Словом, он был своего рода серый барон, хотя и в барщинной зависимости. Тогда у деда была другая

фамилия — Бетэ. Дед, по-видимому, пользовался большим влиянием на соседей.

Все усадьбовладельцы обязаны были нести известную барщинную повинность по отношению к своему сеньору — владельцу мызы Нейгоф, в которой проживал сам барон Мирбах — полковник германской службы. Усадьбовладельцы должны были отрабатывать барщину на винокуренных заводах барона, даром возить в Виндаву, Либаву, Митаву[1] и Ригу барский хлеб и спирт. Барщина стала невыносимым рабством для латышей. И вот мой дед первым восстал против такого рабства. Но барон Мирбах расправился с ним весьма круто. Барон прислал своих заплечных дел мастеров, которые избили деда до полусмерти и выбросили вон из усадьбы, позволив взять с собой несколько караваев хлеба, немного одежды и белья. Моему отцу было тогда семнадцать лет.

И вот дед с семьей — его жена, два сына и дочь — очутились без крова и пошли просить у эконома приюта. Дед оказался на положении батрака. От этого потрясения дед не мог оправиться, он помешался... Я помню его статную, богатырскую фигуру. Он был блондин, брил бороду и усы, носил платье немецкого покроя (за что и получил свою фамилию: «Вациетис», что значит по-русски — немец) и длинное ржавого цвета пальто, покроя николаевской шинели. Вечно хранил сугубое молчание, за исключением тех случаев, когда ругался.

Он жил в отдельном углу на положении владетельной особы. Все относились к его слабостям снисходительно. У деда была кровать, столик и собственная метла. В его угол редко кто заходил. Я был в дружеских отношениях с дедом, и он обещал, что после смерти мне достанется его нож с рыжим черенком.

Зимой в избе днем и ночью шла интенсивная работа. Женщины пряли, ткали, шили, вязали. Словом, были заняты той работой, которая необходима, чтобы семья была одета, обута, обмыта, чтобы взрослые и дети имели хотя бы по одной паре приличного платья. Что касается молодых девушек, то они старались перещеголять друг друга в совершенстве изготовления пряжи, тканых изделий, в вязании, вышивании. Надо сказать, что латышские женщины любят хорошо одеваться и имеют завидный природный вкус.

До 16 лет я только раз был в кирхе и то по случаю того, что отец купил мне новую очень красивую белую фуражку. Но мне это посещение кирхи принесло большое огорчение, так как моя белая фуражка упала на красный кирпичный пол. Некоторые при выходе из кирхи наступали на нее и сильно помяли. После этого случая до самой конфирмации я в кирхе не был.

Старший брат очень любил книги и имел абонемент в библиотеке. Книги читались вслух и производили на меня огромное впечатление. Мне больше нравились героические романы, где дело кончалось свадьбой, т. е. добродетель должна была восторжествовать.

Большое впечатление на меня производили сказки, которые рассказывались зимними вечерами. Были особые мастера рассказывать страшные сказки про разбойников и рижских жуликов.

Пища батрака состояла преимущественно из молочных продуктов. Зимой больше ели мясное, а летом почти исключительно молочное. В питании латышского батрака в Курляндии большую роль играет «скаба путра». Лифляндия этого кушанья почти не знает. В него входят вода, молоко, ячменная крупа, сметана и кислое молоко. Это в известном порядке нужно сварить, потом дать перебродить два дня. Получается на редкость вкусное блюдо, которое может служить в качестве супа и в качестве напитка. В некоторых местностях Курляндии «скаба путра» подается два раза — к обеду и к ужину.

Шесть дней в неделю батраки проводили в тяжелом труде. Воскресенье было днем заслуженного отдыха: ходили в кирху, в гости и в кабак. Кабацкий культ в Прибалтике сильно процветал. В каждой мызе был кабак, а то и два, у каждой кирхи — кабак, на всех больших дорогах через каждые 4—6 верст[1] —

---

[1] Старые названия городов Вентспилса, Лиепаи и Елгавы. Ранее упоминавшийся Гольдинген — Кулдига.

[1] 1 верста — 1,067 км.

кабак. Корчмари богатели, а народ беднел и все больше лез в кабалу.

У нас в семье спиртное появлялось очень редко, только по большим праздникам, потому что пьянствовать считалось неприличным, да и денег не было.

3.

До шести лет продолжалось детство. Отлично помню, что меня страшно пороли. К пяти годам я был настолько силен, что мать со мною справиться не могла. Порку задавал отец по-своему — поясным ремнем или веревкой. Вероятно, меня считали большим безобразником, так как почти не проходило дня, чтобы мне от кого-нибудь не влетало, по крайней мере по спине или по затылку. Помню, одно время летом почему-то отец порол меня каждый вечер, и делалось это совершенно регулярно. Например, после ужина отец встает из-за стола, снимает поясной ремень, берет меня за руку и давай отсчитывать по казенной части без объяснения причин экзекуции. Какой был смысл применения такого педагогического метода? Это называлось наказывать авансом или предупреждать проступок.

Большим событием в нашей детской жизни стали первые шаги в книжной премудрости: предстояло научиться читать и усвоить десять заповедей. Без этого в волостную школу не принимали. В Прибалтийском крае издавна существовало обязательное обучение, причем дети должны были попечением своих родителей пройти предварительную подготовку дома. Обыкновенно родители старались давать возможность своим детям учиться в школе пять-восемь зим. Я учился в волостной школе семь зим.

Я начал добровольно учить азбуку и так углубился в эту науку, что незаметно для других выучился довольно сносно читать.

Первую зиму в школе мне было позволено учиться с азов с начинающими. Благодаря этому свободного времени оставалось много.

В школу приходили дети на неделю. Собирались к 10 часам утра в понедельник и распускались в 12 часов в субботу. В субботу входили в класс с трепетом, в особенности ученики, обладавшие слабой памятью, мало одаренные от природы, которые не могли удержать в уме весь научный багаж, приобретенный за неделю. Лентяи обыкновенно надевали в субботу утром штаны потолще, одалживая таковые у товарищей.

Метод обучения был патриархальный: «отсюда — досюда выучить». Школа давала слишком ограниченный круг полезных знаний. Волостная школа непосредственно находилась под наблюдением приходского пастора. К его приезду готовились, как впоследствии я видел в армии, когда ожидали инспекторского смотра строгого начальника дивизии. В обоих случаях все было бесполезно и бестолково. Пастор этот был своего рода оригиналом — он считался наиболее демократически настроенным, так как пьянствовал со всяким, кто только его угощал.

Последующие четыре года я учился в Нейгофской волостной школе. Наша волость считалась самой бедной и самой отсталой. Но вот в 1883 г. построили новый дом для школы и выбрали нового учителя Густава Ласиса[1]. Он — воспитанник Ирлавской семинарии[2], из которой выходили часто отличные учителя, из них Ласиса можно считать самым выдающимся. Ему было тогда 27 лет[3]. Человек цветущего здоровья, отлично одаренный, прекрасно развитый, пылкий народник и патриот.

Программа ученья была изменена радикально. Школьный режим стал другим, совершенно непохожим на тот, что был в окружающих волостных школах. Совершенно была исключена из употребления порка и побои. Эти отжившие варварские приемы, проникшие из Пруссии, он заменил нравственным воздействием на душу ребенка. Преподавание преобразилось окончательно. Мы не тратили более времени на заучивание деталей из священной истории. Книги для классного чтения были заменены новыми. Начали изучение латыш-

---

[1] Учитель был выбран из числа кандидатов на этот пост. Ласис Г. (1863—1929) учительствовал в этой школе с 1885 по 1929 год.

[2] Указанная семинария существовала с 1844 по 1899 год в Ирлаве, что примерно в 18 км от г. Тукумса.

[3] В 1885 году Ласису было 22, а не 27 лет.

ского языка[1]. Изучение русского языка велось по новому методу. В свободные часы он выводил нас на лед, учил кататься на коньках и сам отлично катался.

К этому учителю я привязался всей душой. Я отлично учился и пошаливал, хотя и не так, как прежде. Но все-таки я частенько стоял у черной доски. Этот учитель так сумел приохотить меня к книге, что я вне школы, усердно занимаясь, прошел почти столько же, сколько и те, кто учился в школе и летом.

К 15 годам у меня сложилось определенное желание продолжать образование в городе в министерском училище, а потом в учительской Гольдингенской семинарии. Перспективы я рисовал себе широкие, но средств не было. Я страшно завидовал детям богатых людей, которые могли ходить в гимназию. Я хотел стать доктором, пастором, знаменитым адвокатом — только не быть батраком. Мой учитель, заметив мои способности, подогревал эти мечтания, указывая на разные пути, возможные для получения образования. Отец все еще был на прежнем месте батраком, но старшие братья уже зарабатывали и помогали семье.

---

[1] Уместно отметить, что как прибалтийское немецкое дворянство, духовенство (пасторами главным образом были немцы), так и царское самодержавие всячески препятствовали обучению родному языку.

Весной 1889 г. я пошел на конфирмацию. Она заключалась в том, что две недели под непосредственным руководством пастора заканчивалось религиозно-нравственное воспитание юношей. Мне было 15 лет. Ко дню конфирмации старший брат купил мне сапоги. До сих пор я не имел ни сапог, ни башмаков.

Чтобы продолжать учиться, я остался у моего учителя на положении полуработника, полупастуха и продолжал изучение предметов, необходимых для переезда в город с целью продолжения образования.

С огромным трудом дело кое-как налаживалось. На семейном совете родители, братья и сестры решили сообща помогать мне, чтобы я продолжал учиться. Осенью 1889 г. я поехал в Гольдинген и выдержал экзамен в старший класс училища министерства просвещения. Это был огромный шаг вперед. В волости все ошалели от удивления: как это удалось мне из волостной школы попасть прямо в старший класс.

Министерское училище в Гольдингене пользовалось доброй славой. Учительский персонал был строгий и хороший. В этом училище имелось два класса и в каждом классе два отделения — младшее и старшее. В каждом отделении надо было учиться год.

С переходом в училище министерства просвещения начинается новый период моей жизни.

Продолжение следует

И. И. ВАЦИЕТИС

письма, дневники, воспоминания

МОЯ ЖИЗНЬ И МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

4

Осенью 1889 г. я отправился в Гольдинген учиться. Я вышел на ту дорогу, по которой хотел идти далеко, далеко...

Первые дни училищной жизни показали слабость моих познаний по русскому языку и математике. По этим двум предметам пришлось очень много трудиться.

Я поселился сначала в квартире вместе с другими товарищами, которые во многом помогли мне. Жить приходилось очень скромно, даже более чем скромно. Продовольствие присылали из дома с оказией. Немного выручало то обстоятельство, что потом я переехал жить к дальнему родственнику, который как-то помогал.

Я всей душой отдался ученью и чтению книг из обширной школьной библиотеки. Так, в подготовке я скоро перегнал своих товарищей, но в материальном отношении было крайне тяжело. После Нового года нужда пригнула и приютившего меня квартирохозяина, и меня самого. Нужно было искать заработок, хотя бы грошовый. Пришлось познакомиться с фабричной жизнью.

Мои родственники работали на спичечной фабрике, и мы получили работу на дом, а именно клеили спичечные коробки. На дом с фабрики отпускали все материалы. Этот труд давал моим хозяевам заработок до трех рублей в неделю. А мне перепадало карманных денег копеек двадцать-тридцать в неделю. Было не до роскоши.

Так первая зима прошла в напряженном труде в школе и дома. По будним дням свободной минуты не оставалось: я был рад, когда в 9 часов вечера мог лечь спать, и усталый засыпал моментально, спал как убитый до 6 утра. Занятия в училище начинались в 8 утра и кончались в 3 часа пополудни. В воскресенье после обеда я должен был читать по книге очередную проповедь. Хотя кирха была в городе, туда мало кто ходил.

Знакомств в городе у меня не было. Первый раз в жизни попал в театр, прошмыгнул зайцем. Подошла весна, и состоялся мой перевод без экзамена на старшее отделение. Из дому получил вести неутешительные: там случились различные несчастья, принесшие большой материальный убыток. Другие товарищи разъехались по домам на отдых, а я пошел работать на спичечную фабрику. Надо было заработать деньги на сапоги и про запас, на ученье.

Проработал я на фабрике два месяца. Что это был за каторжный труд! Двенадцатичасовой рабочий день. Я должен был стоять у ворота и прикручивать рамы со спичками (без головок). Работа была адски тяжелой, страшно болели ноги и руки, ладони сплошь были покрыты мозолями, сухими и лопнувшими, в крови. В комнате находилось 12 машин, трясущихся и издававших страшный шум. Разговоров не было слышно. Работавший у машины хотел больше выгнать заработной платы за день и прямо-таки доводил меня до исступления. Я работал через силу.

Через два месяца работы я забо-

Продолжение. Начало см. «Даугава», № 2.

лел грудью и уехал домой отдохнуть до начала учебного года. Сколько я заработал? Всего 21 руб. 60 коп. Из них половину я проел и осталось рублей десять. Но зато эти два месяца, проведенные на фабрике, среди рабочих, дали мне хорошее представление о том, что такое фабричная жизнь.

Второй учебный год прошел так же, как и первый.

В Гольдингене существовало в то время латышское общество, членами которого состояли главным образом народные учителя окружных волостей и местная интеллигенция. На заседаниях этого общества мы, учащиеся, могли присутствовать нелегально, на свой риск. В 1890 г. я создал кружок из своих товарищей и стал издавать рукописную газету под названием «Prāta kule» (Сумка разума). В этой газете помещались статьи всевозможных направлений. Сама по себе газета велась мною в народовольческом духе. Быть может, эта наша работа была скорее забава, чем серьезное дело, но нас она заставила перечитать такую литературу, до которой без этого мы в наши годы иначе и не дошли бы.

Я лично изучил довольно основательно политическую историю Европы XIX века и ознакомился с социальным движением в Германии. Вместе с этим наш кружок поставил себе целью изучение народного быта и его духовных богатств вроде народных песен, сказок, преданий и воспоминаний. Народные песни и сказки мы заимствовали преимущественно у старых людей. Вместе с моим товарищем Бергом мы собрали около пяти тысяч народных песен, которые летом 1891 г. отправили редактору латышской газеты. Я пришел в неописуемый восторг, когда прибыл номер газеты с объявлением нам благодарности. Позднее собранные мною песни вошли в общий сборник латышских народных песен, составленный латышским поэтом Бароном[1].

По мере приближения к окончательным экзаменам все чаще и чаще вставал вопрос: что же делать дальше, за что приняться, какую поставить цель в жизни? Это пришлось решать самостоятельно. Учиться дальше при таких средствах, на которые я существовал последние два года, немыслимо. Из министерского училища можно поступить по конкурсному экзамену в Гольдингенскую учительскую семинарию с четырехгодичным курсом. Но надо было дорого платить за ученье, и одеваться надо было лучше, чем я мог это себе позволить.

Я решил искать службу. Написал волостному писарю, просил место помощника при нем. Ответа не получил. Вижу, время уходит. Пока поступил учеником каменщика и стал усердно изучать штукатурное дело. Я и тут показал хорошие успехи. Работа была хотя и грязная, но очень интересная.

Случайно я наткнулся на объявление командира рижского учебного унтер-офицерского батальона[1] с приглашением поступать туда молодым людям-латышам с образованием училища министерства народного просвещения. В этом объявлении было сказано, что отлично окончившие учебу в батальоне могут поступить впоследствии в юнкерское училище на казенный счет. Объявление создавало впечатление, что рижский учебный батальон является подготовительной школой к офицерскому званию. Но я был осведомлен до некоторой степени о том, что главная цель этого батальона — выпустить унтер-офицеров. Некоторые неудачники из семинарии и училища министерства просвещения уже там были. Однако я усмотрел возможность учиться за казенный счет и окончательно поставил перед собой цель, составил программу действий.

Целью моих стремлений стало окончить Академию Генерального штаба. Программа была мною выработана такая: кончить учебный батальон, подготовиться в течение одного года для поступления в юнкерское училище[2], а после этого — в академию.

---

[1] Барон К. (1835—1923) — фольклорист, писатель и публицист. Долгие годы он собирал, систематизировал, а затем издал латышские народные песни.

[1] Рижский учебный унтер-офицерский батальон существовал с 1888 по 1910 год.

[2] Юнкерские училища с двухгодичным сроком обучения в России были созданы вскоре после Крымской войны, в первой половине 60-х годов XIX века. Они готовили офицеров для пехотных частей и кавалерии. Кур-

Итак, я решил. Путь через учебный батальон был тернистым, через звание простого солдата, но все-таки он отвечал более моему настроению: он вел к цели без случайных колебаний, все зависело от меня самого, и я этот путь выбрал. Все стало ясно, труда я не боялся, а тяготы солдатской службы меня тоже не пугали.

Это лето прошло в здоровом труде, и я чувствовал себя великолепно. Чувствовал, что по возрасту (мне было почти 18 лет) я уже готовый батрак, и если бы с этим мог примириться, то мне не пришлось бы долго ломать голову над целью жизни, не надо было бы отрываться от дома, от родных, избежал бы тяжелых минут разлуки. Над всем этим я раздумывал, и мне нисколько не стало грустно. Меня тянуло в неведомое будущее, к высокой и отдаленной цели. И я верил, что, идя честным путем, всегда достигнешь ее.

5

3 сентября 1891 г. пополудни я уехал в Тукумс, чтобы оттуда по железной дороге следовать дальше до Риги.

Прощание с родными было тяжелым. Я не был любимцем семьи, но все были со мной хороши и почему-то жалели. По-моему, родные, прощаясь со мной, думали: «Вряд ли еще свидимся». Даже отец прослезился, чего никогда с ним не было. Я чувствовал, что начинаю новый период жизни, что впереди много труда, лишений, борьбы за достижение цели, но смутить меня это не могло, остановить меня никто не был в силе.

В Тукумсе я в первый раз увидел железную дорогу[1] и паровоз! По пути в Ригу я в первый раз увидел море!

С вокзала поехал прямо в учебный унтер-офицерский батальон (он помещался в цитадели[1]) подал прошение и после экзамена был зачислен в четвертую роту рядовым. Через несколько часов я уже из штатского превратился в солдата! Сразу же очутился в новой обстановке.

Повели нас в кабинет командира батальона полковника Гапонова. Перед этим здорово всех стращали его строгостью. Мы замерли. Он начал говорить приблизительно так:

— Вы приняты на действительную службу его величества. На первом месте дисциплина. Когда начальник говорит, то надо смотреть ему в глаза! А ты чего ворон считаешь по потолкам? — вдруг набросился он на одного из моих товарищей. — Выгнать его вон, — указал он адъютанту, — таких баранов нам не надо, и посадить на 5 суток в карцер, а потом коленом под... Вон! — закричал он.

«Ой, да ты угодил в баню, что-то дальше будет», — думал я, выходя из кабинета.

Штаны и мундир были настолько ветхи и излатаны, что через день приходилось накладывать заплатки на дыры. Все надо было делать самому: стирать белье, чинить платье, мыть пол, убирать двор и помещения, столовую, носить воду, чистить картофель, пилить дрова. На душе сразу стало тяжело. Я подумал о том, как бы уйти из этого батальона.

Всю ночь я не спал. Плакал и размышлял, что делать, что будет дальше. Оказалось, что я многого не знал или не хотел знать. Теперь мне объяснили, что в учебном батальоне я должен учиться два года, после этого прослужить в полку один год и после этого по усмотрению начальства мог быть командирован на конкурсный экзамен для поступления в юнкерское училище. Если его не выдержу, то должен прослужить еще четыре года на сверхсрочной службе.

Итак, в случае неудачи я могу оказаться закабаленным на военной службе на 7 лет. Кроме того, сама жизнь в батальоне показалась мне

сантов юнкерских и военных училищ называли юнкерами. В отличие от военных училищ, в юнкерские училища принимали и с неоконченным средним образованием.

[1] Железнодорожная линия Рига—Тукумс была построена в 1877 г.

[1] Цитадель — бывшая крепость в районе между городским каналом, Комсомольской набережной и ул. Горького, построена в целях защиты Риги. В наши дни сохранилось несколько зданий, главным образом склады, а также церковь и позднее построенная тюрьма.

чудовищно тяжелой и неприглядной. Я решил уйти из батальона и пристроиться где-нибудь в Риге.

На другой день я пошел к своему взводному офицеру и заявил, что желаю уйти и прошу вернуть мне бумаги. Об этом доложили ротному командиру, который вместо ответа и возвращения бумаг приказал показать мне карцер. Вижу, деревянная лавка, стол и табурет и больше ничего. Сидеть 20 суток.

Этого я уже испугался. И тут же заявил, что буду служить. Я дал себе слово исполнять все требования, которые будет предъявлять мне служба, вести себя примерно и учиться для достижения главной цели. Мое решение служить было искреннее и совершенно определенное.

На другой же день начались занятия. Гимнастика и словесность, разборка и сборка винтовки и зубрежка названий ее частей, а в свободные часы пришлось работать — набивать тюфяки, пилить дрова, мести улицу. Самым отвратительным было, когда приказывали очищать тротуары около бастиона от травы, которую приходилось вырывать руками, сидя на коленях. Было стыдно и как-то грустно, что на это тратится солдатская энергия.

Отношение к работе учитывалось наравне с другими педагогическими приемами. Ротный командир не стыдился сам взять швабру и показать, как надо мыть пол. Офицеры же учили, как надо чинить белье, как содержать себя в порядке. Решительно все объяснялось на примере и показывалось. В конце концов я так втянулся в службу и режим батальона мне так понравился, что служебные тяготы не казались особенно обременительными.

Ко мне приставили дядьку. Дядька был солдат старшего курса, человек благонравный, богомольный и верноподданный. Мне объяснили, что дядька придается мне для того, чтобы он указал, где можно ходить во время прогулки и где нельзя. Так что гулять приходилось вдвоем. Конечно, скрытый смысл был такой, чтобы дядька стал как бы наблюдателем при молодом солдате, чтобы удерживать его от попыток скрыться, бежать.

Пришлось зубрить уставы. Все это было просто и никаких затруднений для меня не представляло. Занятия были очень простые. Для продолжения курса учебного батальона моя подготовка оказалась излишней. Мало-помалу я стал забывать многое из того, что знал.

На старшем курсе занятия проводились главным образом по инструкторской подготовке по чисто специальной программе. Я пробовал обращаться к учебникам и готовиться к поступлению в юнкерское училище, но было тяжело, режим требовал слишком много физических усилий. Усталость давала к вечеру себя знать, мозговая деятельность слабела.

Физически я развивался прекрасно. Из хилого и бледного я сделался краснощеким, широкоплечим и мускулистым. Но умственное развитие, несомненно, приостановилось, то есть регрессировало. Трудно представить себе, что значит провести два года под камертон барабана: вставать по барабану, молиться по барабану, на завтрак — по барабану и т. д.

Из учебного батальона я был командирован в 105-й Оренбургский полк на дальнейшую службу. Этот полк я выбрал потому, что он был расположен в Вильне[1], где было юнкерское училище.

Я сделал большой шаг вперед к намеченной цели, так как отличное окончание учебного батальона давало мне право на поступление в юнкерское училище. Кроме того, за службу я буду получать жалованье 13 рублей в два месяца на всем готовом. Это означало, что самостоятельное существование и самостоятельное продвижение к намеченной цели обеспечены. В дальнейшем все зависело от меня самого и часто от непредвиденных случайностей.

Из Риги я уехал 4 сентября 1893 г. Прощание наших начальников с нами было очень трогательным. Ротный командир и командир взвода, прощаясь с нами, плакали. Позднее, когда я был уже офицером, я всех их встретил, бывал в гостях. Все они были хорошие люди, развитые, знающие.

---

[1] Ныне Вильнюс.

Тогда же я встретил в Риге своего среднего брата Яниса, он возвращался домой с военной службы. Там он попал в писаря и отлично изучил русский язык и счетоводство. Позднее он вернулся в Ригу и служил в управлении Рижско-Орловской железной дороги. По окончании батальона я получил 25 рублей наградных. Я поделился с братом, так как оказался по сравнению с ним богачом.

С малолетства я был отучен верить, что для меня откуда-то неожиданно свалится какое-то счастье. Всего надо добиваться самому, честными и разумными путями. Помню такой случай. Мне было тогда около пяти лет. Был у меня хороший друг Микелис Рейхманис[1], годом старше меня. Он был единственным сыном. Во время колки дров он угодил топором себе по ноге, рана была незначительной. Но его очень жалели, позвали знахаря, перевязали, держали в постели и давали ситный. Кроме того, он стал героем дня среди нас, его товарищей. Я завидовал Микелису. В то время, невзирая на мои пять лет, я уже пас телят, приходилось вставать в 6 часов утра. Было довольно трудно, главное тяжело вставать так рано. Мне пришла в голову удивительная мысль: хватить себя топором по ноге, меня перевяжут, будут держать в постели, высплюсь, а может быть, и булку получу. Решил выполнить замысел. Рубя хворост для печки, я наметил удар по левой ноге, поперек по среднему пальцу. Так и сделал. Кровь полилась здорово. Я начал кричать. Прибежали на помощь. Меня перевязали, но тотчас же я получил порку, в постель не клали, булок не давали . . .

Над исправлением неуравновешенности в характере я работал много лет и в конце концов достиг положительных результатов, но все-таки должен отметить, что решительность и неуравновешенность неотделимы. Если одно вытравить, то и другое теряет в активности. Решительность, проявленная в высшей мере, граничит с неуравновешенностью; неуравновешенность, проявленная в высшей мере, есть решительность. Неуравновешенность и есть тот допинг, который способствует решительности совершить максимум работы.

Мне шел двадцатый год, я был в звании младшего унтер-офицера. С бытом полковой жизни я совершенно не был знаком, даже ни разу в казарме не был. Поэтому я появился в полку, предполагая, что найду в роте такой же порядок, как в учебном батальоне.

Я получил назначение в 9-ю роту, квартировавшую в центре города, в так называемых Преображенских казармах, перестроенных из католического монастыря. Вся рота помещалась в одной громадной комнате. Здесь было по крайней мере 80 человек. Тут же проходили занятия: строевые и словесные. В ротном помещении стояла густая пелена пыли и весьма едкий запах от обуви и испарений. Шум от говора, пения и криков стольких людей был страшный. Приказания дежурный и дневальный отдавали, крича в полный голос.

Посередине комнаты были общие нары, так что по бокам оставался узкий, в три шага, проход. Я был назначен взводным в 3-й взвод, и мне кровать поставили в отдельном углу.

Наступил вечер, огня не зажигали, сидели в темноте, кое-где при собственной свечке кто работал, кто читал. Большинство же валялись на нарах в ожидании вечерней переклички.

Фельдфебель ушел в город. Я лежал на кровати и предавался грустным размышлениям: «Куда я попал и что будет дальше?».

Ни ротного командира, ни другого офицера я не видел в роте. Никто мною не интересовался.

Жизнь в роте пошла своим чередом. Один из офицеров — подпоручик Белозерский — особенно был ко мне расположен. Он принялся готовить меня к экзаменам в юнкерское. Но его услуги носили случайный характер. Я чувствовал необходимость найти хорошего репетитора и пройти всю программу основательно. Такой репетитор в нашей роте нашелся.

Поступил вольноопределяющимся студент Варшавского университета Иосиф Л. Его зачислили в мой взвод.

---

[1] В делах ЦГИА ЛССР действительно сохранились некоторые сведения о Микелисе Рейхманисе (род. в 1872 г.), который позже, вернувшись с военной службы, получил небольшой солдатский земельный участок около усадьбы «Крастыни».

Под его руководством я прошел в течение года всю программу для поступления в юнкерское училище и даже кое-что сверх программы. Я основательно прошел огромнейший курс политической истории, начиная от темнейшей истории мидян, и фундаментально ознакомился с русской литературой. По математике я делал огромные успехи.

Таким образом, этот год службы в полку был заполнен подготовкой к экзаменам. В роте солдаты меня полюбили. Летами я был самый молодой в роте, рота меня баловала. Я хорошо учил своих солдат, никого не бил и другим драться не позволял.

Правительство мало интересовалось бытом солдат. Оно смотрело на них как на предмет воинской повинности.

Пища плохой оставалась до рождества, до приезда нового командира полка полковника Байкова. С его появлением все переменилось к лучшему. Артельщики старались только, чтобы обед был более-менее сносным, а об ужине совершенно не заботились, поэтому солдаты большей частью на ужин не ходили. Солдаты шутили, что если такой ужин полить собаке на хвост, то она взбесится. Воровство на кухне шло отчаянное.

Новый командир часто обходил роты, иногда и ночью, контролировал качество пищи. В казарме стало уютнее, беднейшим оказывали кое-какую помощь бельем и обувью. Занятия пошли более толково.

В июле меня постигла очень большая неприятность: я был разжалован командиром полка в младшие унтер-офицеры (я был уже старшим) за то, что на смотровой стрельбе залпами моего взвода не вовремя выстрелил. Через месяц я снова был произведен в старшие унтер-офицеры. Но, как наказанному, пришлось выступить на большие маневры, и я не был командирован для поступления в юнкерское училище.

Это для меня было большой неожиданностью. Пришлось примириться и еще год тянуть солдатскую лямку. Одно время участвовал в полковом церковном хоре. С командиром полка мы подружились. Позднее он приходил в юнкерское училище навещать меня.

В августе[1] был командирован в юнкерское училище, чтобы держать конкурсные экзамены. Экзамены организовали очень оригинально: в течение шести дней были налицо все экзаменаторы по всем предметам, и каждый из поступающих мог экзаменоваться в любой день по любому предмету.

Я выдержал все экзамены в один день, сказалось мое серьезное отношение к подготовке. Я сразу увидел, что знаю гораздо больше, чем от меня требовалось, и поэтому сдавал экзамены шутя. Само собой разумеется, я прыгал от радости, когда объявили, что я принят в юнкерское училище.

Начался новый период жизни. Это было 1 сентября 1895 г.

---

[1] Точнее, 14 августа 1895 г.

М. И. ВАЦИЕТИС

МОЯ ЖИЗНЬ И МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

7

Мне шел 22-й год. С виду я был совсем юноша. С поступлением в юнкерское училище я вместо прежнего жалованья теперь получал 3 рубля в два месяца при содержании за казенный счет. Можно жить, не получая из дома ни копейки. Это было для меня чрезвычайно важно, так как на помощь из дома рассчитывать я не мог.

Итак, снова тяжелый труд, который нужно преодолеть во что бы то ни стало. Каждому юнкеру была выдана инструкция, как себя вести. Эту инструкцию я основательно усвоил и старался строго выполнять. По строевой части я был выше других юнкеров, по учебной же части приходилось здорово налегать. Но я все-таки одолел. К рождеству я был в числе лучших по успехам.

Юнкерское училище — это богатейшая коллекция раритетов. Двух похожих друг на друга юнкеров найти почти невозможно. Юнкерский состав пополнялся из представителей всех сословий, направлений, наклонностей, умовоззрений. По своей подготовке ценз юнкеров был ниже среднего, то есть тот, что «оставляет желать лучшего». Там были князья, графы, бароны, виконты, потомственные дворяне, мещане, крестьяне, батраки и так называемые «кухаркины дети». Большую часть составляли представители среднего класса. Такой разношерстный состав юнкеров не был склонен без противодействия подчиниться суровому режиму.

Вставали по барабану в 6 часов утра, спать ложились в 10 часов вечера. Эти шестнадцать часов я был занят настолько, что у меня не оставалось ни минуты свободного времени. Свободное время считалось только от 5 до 6 часов вечера, я обыкновенно проводил его за чтением в библиотеке. При училище была отличная библиотека. Я принялся за чтение русских классиков.

В тон учителям я попасть не мог: там, где требовалось простое усвоение знаний, я выступал с неуместным анализом, делая это большей частью интуитивным путем. Мой ум работал, что называется, на всех парах. Курс был слишком обширен, чтобы пройти его основательно за восемь месяцев.

По вечерам — от 8 до 8 часов 20 минут — в столовой учился танцевать. В Виленском училище было принято, чтобы юнкера хорошо танцевали. Многие юнкера на наших балах теряли сердце и рассудок. Никогда позднее в гарнизонных собраниях я не видел такие роскошные балы, как в Виленском училище.

Значительная часть юнкерской молодежи жила на отеческом попечении начальства, не заглядывая вперед, на авось. Юнкер всегда на что-то надеялся, никогда не падал духом, вечно был весел и смел. Свое настроение юнкера изливали в песнях. Вот одна из них, насколько сохранилась в моей памяти:

О ты, свободная жизнь холостая!
Словно с пеленок нам счастье
дано,

Продолжение. Начало см. «Даугава» № 2 и 3.

Непобедимая, все презирая,
Мчится на крыльях свободы она.
Жизни свободной крикнем:
«Ура!»
Это счастливая жизни пора.
Если несчастье с вами случится
Или не хватит вам денег порой,
Ссуды есть — можно туда
обратиться —
И успокоиться тотчас душой.
Жизни свободной крикнем:
«Ура!»
и т. д.

На рождество я поехал в отпуск. Более четырех лет не видел родных. Был сильный мороз, когда я на ст. Ауце вышел из поезда. Я же одет совсем не по сезону: юнкерская шинель, легкие сапоги, барашковая шапка, даже без теплого белья. Взял извозчика. Отъехали верст десять. Мороз стал пронизывать страшно. Версты три прошел пешком, опять поехал, опять пешком. А ехать надо было 35 верст до Фрауенбурга[1].

Во Фрауенбурге меня встретил старший брат. Сейчас же дали несколько стаканов горячего чаю с ромом, оттерли уши, сняли сапоги и оттерли ноги. Часа два-три я проспал и... встал как ни в чем не бывало. Потом поехали дальше в Нейгоф.

Мой отец был по-прежнему батраком, жил в той же комнате. После этого отпуска для меня стало вопросом будущего создать безбедную и уютную жизнь моим старикам.

Я прибыл из отпуска 6 января. Согласно инструкции юнкера должны явиться из отпуска к 9 часам вечера и ни минутой позже. Когда я на вокзале вышел из поезда, до вечерней поверки осталось ровно полчаса. Мне не хотелось попасть на поверку, так как я был очень в несправном виде: сапоги грязные, крючки на мундире оборваны, не мыт и не брит. Кроме того, последние две ночи я почти не спал.

Вечерняя поверка юнкеров происходила в длинном коридоре, где вся рота строилась развернутым фронтом в две шеренги. Впереди строя стояли взводные портупей-юнкера[1] и фельдфебель (из юнкеров). На вечернюю поверку почти ежедневно являлся сам ротный командир и обходил роту по фронту, осматривая каждого юнкера. Даже после поверки юнкер не мог сказать, что его сегодня ни за что не взгреют. Нет! Наказание могло последовать и во время сна, если окажется, что вещи сложены не согласно инструкции.

Мы старались всевозможнейшими способами поддержать друг друга, не выдавать товарища. Юнкерам строго запрещалось курить в спальне. За такую провинность сажали в карцер на пять суток на хлеб и воду. И вот в нашей спальне, в которой я был за старшего, смотрю, юнкер 3-ко, нагнувшись к печке, курит и дым пускает в печку.

Я подошел и говорю юнкеру 3-ко, чтобы бросил курить, а он продолжал затягиваться. Вдруг раздается: «Смирно!» 3-ко ошалел и, бросив дымящийся окурок на пол, ретировался. Подошел ротный командир и, увидев окурок у моих ног, крикнул мне:

— Почему вы здесь курите?

Я ответил, что некурящий.

— А кто же курил?

Отвечаю:

— Я не заметил.

— То есть как это вы не заметили? — кричит ротный и с удивлением смотрит на меня. — Вы не заметили? Так знайте, юнкер Вациетис, что за такую службу я вас вышвырну за борт-с. Вы-с не заметили-с. Четыре дневальства вне очереди. А в следующий раз я вас за борт-с!

Это называлось по-юнкерски выручать товарища.

Весной переходной экзамен. В нашем отделении было всего 34 юнкера, из них перешли на старший курс 18 человек, остальные частично были исключены, частично остались на второй курс в младшем классе. На экзамене резали беспощадно. Для подготовки к экзамену давалось всего два дня. За такой короткий срок повторить весь курс немыслимо.

Самые свирепые экзамены были по математике, физике и географии. Все три названных экзамена дейст-

---

[1] Ныне г. Салдус — районный центр Латвийской ССР.

[1] Портупей-юнкер — юнкер, назначенный для исполнения обязанностей унтер-офицера.

вовали на юнкеров как сильные потогонные средства.

После экзаменов был устроен шикарный бал. Лето провели в лагерях, тут же в училище. Осенью я был переведен на старший курс и как один из лучших назначен взводным командиром (портупей-юнкером). Этому я мало обрадовался, так как взводным командиром быть в училище крайне тяжело.

Осталось до выпуска две недели. Настроение в старших классах приподнятое, нервное. В глубокой тайне конференция заседает уже два дня, решает судьбу каждого юнкера старшего класса. От результатов решения конференции зависит дальнейшая судьба. Выпускают из училища по I, II и III разрядам. Быть выпущенным из училища по I разряду означает, что через два месяца будешь офицером. Выпущенные по II разряду служат подпрапорщиками по два-три года. По III разряду выпускались в том состоянии, какими были при поступлении в училище, они могли быть представлены в офицеры по особому экзамену, и то не ранее года.

Призы по стрельбе были уже разыграны: мне присуждены серебряные часы. Разыгрывались также призы по гимнастике, по фехтованию на ружьях, эспадронах и на рапирах.

Состязания на призы происходили публично. Присутствовало много дам. Победителю устраивалась овация. Я получил два училищных приза. Первый — по гимнастике на турнике, на трапеции и на кольцах — часы. Второй приз — за бой на ружьях — револьвер. В обоих случаях я победил своих противников как из нашей, так и из второй роты.

В день выпуска все училище построено. Ждут командующего войсками округа[1]. Командующий войсками поздравил нас с производством в подпрапорщики (только двое выпущены рядовыми по III разряду) и роздал призы. Церемониальный марш. В тот же день получили бумаги на отправление в полк.

Я выбрал 2-й Ковенский крепостной пехотный полк, куда на другой день отправился.

Из училища нас выпустили подпра-

[1] То есть Виленского военного округа.

И. И. Вациетис, командир 5-го Земгальского латышского стрелкового полка.

порщиками. В служебной иерархии подпрапорщик занимал среднее положение между офицером и нижним чином, но на практике на офицерство подпрапорщик смотрел восхищенными глазами, а от массы нижних чинов держался изолированно. Положение подпрапорщика вообще было трагикомичным. В офицерское собрание[1] он имел право прийти только пообедать и поужинать. На танцевальный вечер вход ему был закрыт. В поезде подпрапорщик должен был ехать в третьем классе, из второго его мог вышибить первый попавшийся офицер.

8

В день отъезда из Ковно[2] я был приглашен на обед к моему ротному командиру. Из юнкеров никому, кроме меня, такого внимания не было оказано. За два года пребыва-

[1] Офицерские собрания напоминали особые клубы, состоявшие при каждой отдельной воинской части. Членами их должны были состоять все офицеры соответствующих частей.

[2] Ныне Каунас.

ния в училище первый раз я имел возможность говорить с ротным командиром частным образом, в качестве гостя. И должен заметить, что в частной жизни этот грозный начальник был пресимпатичным человеком и остроумным собеседником. Из беседы я получил возможность оценить училищный режим с другой точки зрения. Деятельность ротного командира теперь мне открылась в ином свете. Я пришел к заключению, что он не овладел одним чрезвычайно необходимым для строевого начальника качеством, а именно: он не умел быть импозантным в глазах массы.

Вообще говоря, режим в училище был нездоровый. Нельзя строить систему воспитания будущего офицера на бездушном формализме, в то же время совершенно отказываясь развивать в юнкере чувства гражданских доблестей.

Результатами своих училищных трудов я был доволен: кончил по первому разряду с тремя призами, через три месяца мог стать офицером. Я шел верным путем к намеченной цели. В кармане около 7 рублей. В полку до производства в офицеры буду получать 20 рублей в месяц. Конечно, этого мало для существования. Я решил в случае надобности перейти на солдатскую кухню. Иначе на 20 рублей жить нельзя. Если бы не эта вечная забота о том, как свести концы с концами, то мог бы считать себя одним из счастливейших людей в мире. Правда, я был один, вернее одинок, как улитка.

Мне совершенно не жалко было расстаться с училищем, которое не было для нас, юнкеров, Alma mater. Училище мне рисовалось вроде мастерской с пороховым двигателем, где нас обрабатывали, а потом, когда пришло время, раскидывали по всей матушке России. Четыре года назад мне было очень трудно расстаться с учебным батальоном. Я с большим удовольствием вернулся бы туда. Но вторично попасть в училище? Нет!

18 ноября 1897 г. я был произведен в офицеры[1] и переведен в 3-й Ковенский крепостной пехотный полк на должность младшего офицера. Перевод в этот полк мне не очень был по сердцу, так как у нас имелись сведения о внутренней жизни этого полка не особенно приятные. В течение последних лет там происходили многочисленные скандалы, на почве коих из полка было уволено более двадцати офицеров.

Никакого товарищества между офицерами не было, друг друга боялись, боялись громко говорить, избегали посещения офицерского собрания, встречались на квартирах по два, по три человека. На служебной почве господствовало покорнейшее, страха ради, поклонение грозному командиру полка и одному капитану — командиру роты, который разводил невероятную демагогию в полку среди офицерства. К нему я и был назначен в роту[1] младшим офицером. Оба означенных офицера ввели в полку какой-то террор. Несмотря на разницу в их служебном положении, их боялись и опасались одинаково.

Первые шаги каждого молодого офицера отмечались рядом более или менее серьезных или игривых промахов, без этого обойтись было невозможно. Служебная обстановка была незнакомая. Обыкновенно было так, что один ротный командир смотрел на младшего офицера как на помеху, он-де только портит солдат. Другой же, наоборот, передавал в неопытные руки младшего офицера всю роту. Мой ротный командир был из последней категории.

Сам ротный командир в русской армии представлял из себя некий индивидуум, которого всякий вышестоящий начальник третировал, терзал и гнул в бараний рог, но никто не учил. Неся колоссальную ответственность за благосостояние и обучение роты, он являлся единственным лицом в армии, которое обязано было безапелляционно отбывать скучную и трудную казарменную барщину без особенной перспективы насчет повышения по службе.

Чтобы сделать служебную карьеру, чтобы не состариться в капитан-

[1] Точнее, в подпоручики.

[1] Это была 2-я рота 3-го Ковенского крепостного пехотного полка.

ском чине[1], надо было попасть в штаб-офицеры за отличия, обогнать своих товарищей. Из таких был мой ротный командир. Он был из числа тех, кому во что бы то ни стало надо составить себе служебную карьеру, чтобы подравняться в общественном положении со своими высокопоставленными родственниками по жене: он был женат на дочери коменданта одной крепости.

К этому господину я и попал в роту. Позднее я узнал, что он очень хлопотал об этом, имея в виду использовать мои отличные строевые способности с целью постановки обучения в роте лучше, чем в других.

Я попал в общество, которое было выше меня по воспитанию, кроме того я был офицером из солдат, то есть из мужиков. Ко мне присматривались, изучали, составляли оценку. Ареной соревнования на высшую оценку служил, как и везде, паркет гарнизонного собрания. Экспертами были, как ни странно, не сами действующие лица — любительницы потанцевать, а те мамаши и тетушки, которые обыкновенно рассаживаются вдоль стен зала так, чтобы не мешать танцующим.

В танцевальном зале было большое оживление. На хорошего танцора был большой спрос. Я, хотя числился в училище в числе хороших танцоров, любил глядеть на кружащиеся пары и рассуждать о пользе танцев. Как только что произведенный в офицеры, я был одет с иголочки. Соседки бросали на меня взгляды, выражая удивление, что я забрался на неподобающее мне место.

Я внимательно следил за моим ротным командиром, который танцевал с нашей полковой дамой. Он танцевал плохо, а она — шикарно. Они не были парой на паркете, однако видно было, что он старается заслужить ее внимание, но без заметного успеха. Дама им тяготилась. Во время танца с фигурами кавалер (и мой начальник) по неловкости запутался и оставил даму посреди зала. Она посмотрела на меня. Я вскочил и пригласил ее до «прибытия» ее штатного кавалера. Но по ее желанию мы протанцевали один лишний тур мимо него. Это маленькое событие имело последствия. Первым последствием было то, что у меня сразу же испортились отношения с начальником. Вторым то, что эта дама пригласила меня составить тройку в котильоне[1], а затем уже я с ней много танцевал на этом вечере, а не мой ротный командир. Во всяком случае хорошо танцующему молодому офицеру было гораздо легче войти в общество, чем нетанцующему.

Занятия в роте отнимали весь день: утром от 8 до 12, днем от 3 до 6 часов. Свободно располагать я мог только вечерним временем. Строевая служба требовала большого напряжения физических сил, часам к девяти вечера глаза слипались. Месяца через два я уже вполне ориентировался в новой обстановке, меня считали прекрасным строевиком и молодым офицером, не чуждающимся общества.

И действительно, я очень исправно знал строевую службу и исполнял ее усердно. С солдатами обращался гуманно, занятия вел умело и разнообразил их настолько, что мои солдаты никогда не скучали. За это я пользовался большой любовью у них.

На рождество я поехал домой на свадьбу сестры. Эта свадьба произвела на меня чрезвычайно глубокое впечатление. Она происходила в той самой избе, которую я описал выше и в которой мой отец жил, кажется, тридцать четвертый год. Отцу было около 70, он все еще должен был работать батраком. Изба наша имела очень плачевный вид, хуже, чем прежде. Людей было много. Они нанесли в комнату снега столько, что под конец глиняный пол обратился в какое-то месиво. В комнате стало сыро и неуютно. Знакомые и мои школьные товарищи стали серьезными отцами семейств, старики еще более состарились.

Я всем понравился: старикам — тем, что говорил с ними, с молодежью хорошо повеселились. Я сравнил это общество с тем, в которое попал в Ковно. Разница была боль-

---

[1] По одним данным, в то время в царской армии почти до 70 процентов командиров рот были в возрасте от 40 до 50 лет (см. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973, с. 100).

[1] Котильон — старый бальный танец, которым обычно заканчивался бал.

шая. Но сердечности, душевной и искренней теплоты было неизмеримо больше. Среди этих простых людей эти качества полностью господствовали. Если бы я задался целью найти людей многоуважаемых в буквальном смысле этого слова, то я искал бы их именно среди этих простых, честных, милых и не знающих лукавства людей.

На этот раз я уже мог взглянуть на ту среду, из которой вышел, с более широкой точки зрения. Я ясно видел несправедливость, граничащую с преступлением, виновником которой являлись власть предержащие, исторически сложившееся угнетение, при котором процветали эксплуататорские элементы: буржуазия, капиталисты, помещики. В то время 80 процентов латышей были батраками.

Я уехал из дома в очень подавленном настроении. Мне хотелось во что бы то ни стало вывести моих родителей из того бедственного положения, в котором они находились, их старость следовало обеспечить, они должны были жить безбедно и иметь заслуженный отдых. Рассеянный образ жизни, который я начал после производства в офицеры, должен быть введен в определенные рамки. Жить я должен скромно, кое-что откладывать из содержания (я получал 48 рублей в месяц), жить по средствам.

О моей будущей служебной карьере задумываться не приходилось. Здесь вопрос ясен. Вырисовывались две перспективы. Если я ограничусь тем, чего достиг, и учиться не буду, а поплыву по житейскому течению, то останусь заурядным армейским офицером с весьма ограниченной будущностью, без карьеры. Если я буду учиться, готовиться в академию и если я окончу ее, то будущее улыбается широко-широко. Я крепко остановился на последнем решении, тем более что это отвечало моим давнишним мечтаниям. Попасть в академию, получить высшее образование, почувствовать под ногами твердую почву на широком служебном поприще — это составляло конечную цель моих стремлений.

9

Итак, решено снова засесть за книги. Серьезное отношение к службе и серьезное отношение к подготовке в академию! Я начал с иностранных языков и математики. Особенно много трудиться приходилось над французским языком, которого я совершенно не знал. Главным руководством служил самоучитель Туссена и Лангеншейдта[1]. Много пришлось заниматься литературой, прочитать всех классиков — русских и иностранных. Необходимо было следить за политической жизнью современных государств и за внутренней политикой России. Чтобы в этом отношении постоянно накапливать знания и расширять кругозор, я абонировал лучшие политические газеты — русские, немецкие и французские.

Я читал газеты всех направлений, начиная от крайне правых и кончая крайне левыми органами печати. Последние в виде заграничных изданий я получал от знакомых студентов. Вскоре я стал отлично разбираться в целях, преследуемых различными политическими партиями. Но программная сторона партий для меня все-таки оставалась terra incognita, существенный смысл которой надо было научиться усваивать. Я почувствовал склонность к левым политическим течениям, что в свою очередь побудило меня заняться изучением социологии.

Кстати, было принято считать, что офицерская среда осталась глуха и индифферентна к политическим явлениям внутри государства[2]. Это не совсем так. Многие офицеры были основательно знакомы с новейшими политическими течениями и с глубо-

---

[1] В 80—90 гг. XIX века и в начале XX века в России вышел целый ряд книг — самоучителей французского языка для взрослых по методу Ш. Туссена и Г. Лангеншейдта, составленные А. Редкиным и Д. Сеславиным.

[2] Во второй половине XIX века многие офицеры увлекались идеями народников. Как свидетельствуют последние, однако далеко не исчерпывающие исследования историков, среди офицеров распространялись и воззвания местных организаций РСДРП (между прочим, и в Вильнюсе). Тогда же начинали создаваться первые социал-демократические военные организации. Конечно, основная масса офицерства армии и не подумала включиться в политическую борьбу, к тому же и не симпатизировала социалистическим идеям.

ким интересом следили за той борьбой, которая происходила внутри государства на революционной почве. Многие молодые офицеры снимали мундир и переходили на частную службу, чтобы принимать участие в прогрессивном движении. Офицеру трудно было услышать смелое критическое слово на политическую тему. В офицерских собраниях разговоры на политическую тему не допускались. Такие разговоры велись по квартирам.

Исключение составляла Академия Генерального штаба. Там в докладах обязательно требовалась совершенно свободная критика и всестороннее обсуждение политических вопросов. От будущего офицера Генерального штаба ждали совершенно зрелого отношения к вопросам первостепенной важности внешней и внутренней политики. К этому мы не могли сразу привыкнуть, не верилось, что офицеру дозволяется критика, открытая, перед всей аудиторией. Аристократы (гвардейцы) старались обходить этот вопрос из щепетильности или других расчетов. Мы же — глубокая армия — наводили критику с оглядкой, из недоверия ко всему происходившему; нам казалось, что это ловушка, что это средство, в котором скрыта возможность и попытка начальства выведать политическое кредо слушателя академии. В некоторых случаях так оно и было. Я это испытал на себе.

Во второй диссертации, разбирая политическую группировку европейских государств, я резюмировал, что Россия должна примкнуть к группе более либеральных государств. Оппонент указал, что мои взгляды вредны для блага России. Результатом моей смелости было непричисление к Генеральному штабу. С одной стороны, требовали политической откровенности, с другой же — карали за смелые выводы на этой почве.

Однако в каждом полку мы могли встретить двух-трех офицеров, превосходно разбиравшихся в революционных доктринах, основательно знакомых с партийными программами. Я знал одного офицера, который ходил на фабрики выступать перед рабочими. От него я впервые услышал, что революцию в России может и должен провести рабочий класс. Сближаясь с этой группой офицеров, получая от них литературу и разъяснения политических доктрин, я в конце концов почувствовал сам, что очутился в новом мире стремлений и мыслей. Мой ум стал обогащаться такими знаниями, каких у многих не было. Я почувствовал потребность стремиться к широкому знанию дозволенного и недозволенного законами. Став на этот путь, я уже не мог слиться с той офицерской массой, которая чем дольше служит, тем более сужает свои горизонты, тем более специализируется в определенном служебном направлении.

В полку оказалась на редкость хорошая библиотека. Мне не приходилось видеть ни в одном полку каталог, в котором так много места было бы отведено философии, социальным наукам, политической экономии и новейшей литературе. За эту библиотеку я принялся, с усердием изучая ее богатое и разнообразное содержание. Кроме того, у меня незаметно вошло в обычай ежемесячно покупать несколько новейших книг. Этого обычая я придерживаюсь до сих пор.

Занятия по подготовке в академию я вел систематически и с неослабевающим упорством. По мере углубления в академическую программу я удалялся от аппликационного способа усвоения предмета, от того метода, по которому я работал до сих пор. Академическая программа (вступительная) настолько обширна, что вызубрить все предметы невозможно. Из каждого предмета надо было сделать выборки и внимательно следить за литературой — военной и общей.

Восемь лет я занимался таким образом и могу сказать, что был подготовлен к слушанию академического курса основательно.

10

В академию надо было пройти через двойной фильтр, предстояло выдержать предварительный экзамен при штабе округа по полной всту-

пительной программе, а затем при академии — конкурсный экзамен.

Вступительный экзамен[1] я выдержал отлично. У всех профессоров я получил отличный балл. Экзамен продолжался с 20 августа до 26 сентября[2]. После этого экзамена первый раз в жизни я почувствовал, что такое умственное переутомление. Последний экзамен был по математике. Мне пришлось пробыть у доски около четырех часов, что меня до крайности утомило. Пообедав, я прилег, но не мог заснуть. Мысль страшно работала, отыскивая какие-то логарифмы, а мозг, как иглами, тыкали тангенсы, котангенсы, синусы и косинусы. Я думал, что серьезно заболею. Через неделю отдыха я поправился.

Однако это было начало тяжелого недуга, которым я страдаю до сих пор и который постепенно прогрессирует. С тех пор у меня начал в голове формироваться какой-то шум. Сначала я не знал, что тот шум, который я явственно слышу, у меня в голове. По-видимому, нервы в академии были сильно напряжены.

Присутствие у меня в голове шума я открыл случайно, уже будучи на старшем курсе весной 1908 года. Иногда ночью я просыпался от какого-то шума, мне казалось, что этот шум из форточки, хотя по наблюдениям он как будто был ближе, даже под подушкой. Во время работы в кабинете мне казалось, что этот шум исходит от потолка. Моя квартира была на пятом этаже, и мне казалось, что этот шум издает телефонная проводка, которая могла идти через крышу.

Умерла моя мать. Я поехал на похороны. Тут отец рассказал мне, что мать умерла от шума в голове, что она часто жаловалась на это и даже спрашивала: «Неужели никто не слышит, какой у меня в голове шум?».

---

[1] При поступлении в Академию Генерального штаба предстояло выдержать экзамены по уставам, тактике, артиллерии, фортификации, основам военной администрации, а также по математике, политической истории, географии, топографическому черчению, русскому и иностранным языкам.

[2] Т. е., 1908 года.

В Академию Генерального штаба[1] я поступил осенью 1906 года. Это событие положило грань к новому событию в моей жизни. Мне шел тридцать третий год. Я был уже женат. В академии предстояло учиться три года. Значит, я окончательно распрощаюсь с учебниками на тридцать шестом году жизни.

Я нанял квартиру напротив академии и устроился так, что предаваться научным занятиям было вполне удобно.

Тому, кто не был в академии, трудно себе представить, что такое на самом деле там делается, что она из себя представляет. Общее мнение такое, что Академия Генерального штаба по обширности и по глубине своего курса находится во главе всех высших учебных заведений. И это мнение нисколько не грешит против действительности.

Академия Генерального штаба давала каждому столько, сколько вмещали его умственные способности и желание освоить науку.

Военные предметы[2] изучались с исчерпывающей полнотой. Кроме военных дисциплин преподавались следующие предметы: русская история (читал профессор Платонов[3]);

---

[1] Николаевская Академия Генерального штаба, как тогда она официально называлась, была основана в 1832 г. и находилась в столице царской России — в Петербурге. С осени 1901 года Академия Генерального штаба размещалась в новом, специально для нее построенном здании. Академия являлась единственным заведением, дававшим офицерам высшее военное образование, и способствовала комплектованию так называемого корпуса офицеров Генерального штаба, а также развитию военной науки. Особое небольшое геодезическое отделение подготовляло необходимых для армии геодезистов.

[2] Предметы, преподаваемые в Академии Генерального штаба, делились на основные и вспомогательные. Военные предметы: тактика, стратегия, военные администрация и статистика, история войн и др. составляли первую группу.

[3] Платонов С. Ф. (1860—1933) — русский буржуазный историк, автор книг о Московском государстве и Великом Новгороде, Иване Грозном, Борисе Годунове, опричнине, Полтавской битве и др.

всеобщая история девятнадцатого века (профессор Форстен[1]); государственное право (профессор Цизирев[2]); статистика иностранных государств и статистика России; русская и иностранная литература (профессор Котляревский[3]); международное право; геодезия (генерал-майор Шарнгорст[4]).

При академии находилась самая обширная библиотека[5]. Кроме того, по заявлению слушателя выписывалась на казенный счет любая книга.

Отношение слушателей к академическим занятиям было различным. Добрая часть смотрела на них так: надо только усвоить требуемые программы, чтобы получить на экзамене высокий балл, чтобы получить право на перевод в Генеральный штаб. Про таких говорили, что они стараются только обеспечить себе крышу, то есть попасть в Генеральный штаб и служить в штабе. Большая же часть относилась к академическим занятиям, как студенты. В числе этих был и я.

Мы старались из аудитории вынести как можно больше знаний материала, которые дополняли при самостоятельной работе, сопровождая ее собственным анализом. Лично я старался во всех вопросах найти определенный критерий, который я понимал как выработку в себе способности во всех случаях практической жизни самостоятельно решить, что нужно для достижения поставленной цели и что этому вредит.

В частности, я поставил себе целью дать себе ясный отчет в старом и до сих пор неразрешенном еще вопросе о том, что существует — военная наука или военное искусство. До сих пор очень многие утверждают, что есть военная наука, другие же говорят, что есть лишь военное искусство. Мой пытливый ум настойчиво искал ответа на этот вопрос. Должен откровенно сознаться, что мои изыскания во время нахождения в академии не дали мне определенного ответа.

Теперь же, после того как я провел почти пять лет на войне, причем один год на посту главнокомандующего, затронутый выше вопрос представляется мне во всей его широте. Теперь я вижу, что военное дело не может быть узкой научной ареной, оно не есть также область искусства исключительно. Мне кажется, что правильнее будет сказать, что военное дело в принципиальной своей части опирается на научный фундамент, а в практической части — на гений искусства. Военное дело эксплуатирует самого человека и всю цивилизацию человечества.

Военное дело — есть наука о том, как давать возможность искусству эксплуатировать все средства цивилизации для победы.

Я был в числе тех, которые упорно трудились над выработкой самостоятельного мнения и взглядов на различные военные вопросы первоклассной важности.

В аудиториях порядок занятий был лекционный, то есть каждый профессор в течение семестра должен прочитать свой курс, а затем весной на экзамене требовать отчета от слушателей. Такой порядок был очень хорош, в особенности для тех слушателей, которые отдавались академическим занятиям с полной серьезностью. Само собой разумеется, что для такого рода отношения требовалась хорошая подготовка слушателя. Другой способ — репетиционный — заключался в том, что профессор после нескольких лекций требует от слушателей отчета. Этот метод, по-моему, хуже. Он рассчитан на слушателей с низким подготовительным цензом и против лентяев, лодырей. Этот метод хорош для средних учебных заведений.

---

[1] Форстен Г. В. (1857—1910) — русский буржуазный историк, уделивший внимание также прибалтийскому вопросу в XVI—XVII вв.

[2] О нем, к сожалению, в нашем распоряжении нет сведений.

[3] Котляревский Н. А. (1863—1925) — историк русской литературы, академик (1909), опубликовал работы по вопросам истории русской и западноевропейской литературы, автор книг о А. Пушкине, М. Лермонтове, И. Тургеневе, Н. Гоголе, В. Белинском, Н. Добролюбове, Н. Некрасове, а также о Жорж Санд и декабристах.

[4] Шарнгорст К. В. (1846—1908) — геодезист, профессор, автор многих учебников по геодезии, математической географии, сферической тригонометрии, а также космографии.

[5] Судя по опубликованному в 1910 г. систематическому указателю, библиотека имела более полутора миллионов книг.

Военные предметы читались талантливыми профессорами, сумевшими заинтересовать слушателей даже на своих лекциях по наиболее сухим предметам. Из предметов невоенных я особенно увлекался лекциями академика Нестора Александровича Котляревского[1]. Он читал нам на младших курсах русскую литературу. Его лекции произвели на меня самое глубокое впечатление. Они не были простым разбором русских классиков, дозволенных начальством. Этот глубокоуважаемый профессор прочитал нам определенный курс философии литературы. На младшем курсе он коснулся русских писателей, а на курсе старшего класса читал цикл лекций, который он озаглавил так: русская литература в связи с иностранной, что уже совершенно выходило из рамок академической программы. Отношение Котляревского к нам, слушателям, было самым участливым и сердечным. После каждой лекции он рекомендовал для прочтения ряд сочинений русских и зарубежных писателей.

В лекциях Котляревского каждый слушатель-офицер мог найти то, что от него тщательно скрывали. На этих лекциях могли быть только желающие, они не были обязательны для всего курса. Тем более я был крайне поражен тем равнодушием, с каким офицерская масса относилась к этому предмету. Вероятнее всего, этот предмет в объеме чтения профессора Котляревского был недоступен для офицерской массы.

Не менее интересны были лекции по русской истории профессора Платонова и по истории девятнадцатого столетия профессора Форстена[1].

Много внимания я уделял докладам на дополнительном курсе. Там каждый офицер должен был разработать совершенно самостоятельно три доклада или диссертации. Доклады читались перед всей аудиторией. Оппонентами назначались два профессора. Иногда на докладах присутствовал начальник академии. Странным казалось мне, что на этих докладах мало присутствовало слушателей, почти только те, кто должен был делать это по обязанности. А между тем польза от этих докладов была для присутствующих огромная.

Первый год прошел в самом упорном труде. Подоспела весна и экзамены. Было не до шуток. Экзаменуют очень строго, а курс каждого предмета огромный. Чрезвычайно характерным был первый день экзаменов. Это бенефис для каждого из нас. Это пробный шар. Экзамен — это скачка через препятствия в Генеральный штаб, а чтобы туда попасть, надо отлично окончить академию: иметь не менее 10 баллов в среднем.

Выше я упомянул, что в академии существовала лекционная система. Поэтому в течение всего семестра, около 6 месяцев, слушателей никто не беспокоил, профессора не интересовались тем, кто занимается, а кто лодырничает. Академическое же начальство следило только за тем, чтобы лекции исправно посещали, для чего надо было расписываться ежедневно в именном списке. Вообще экзамен служил для перегруппировки слушателей, не имеющих надежду на Генеральный штаб и на имеющих таковую. Например, при мне при переводе из младшего на старший курс (приступило к экзаменам 114 человек) перешло 78 чело-

---

[1] Широкие познания профессора Н. А. Котляревского как в области русской, так и мировой литературы, мастерское изложение глубоко продуманного содержания прочитанных им лекций не могло не увлекать слушателей. Конечно, его популярности содействовало стремление изложить историю русской литературы XIX века в духе «идей освобождения» и «гуманных идеалов». К сожалению, мы не имеем данных о деятельности Н. А. Котляревского после Октябрьской революции, хотя известно, что некоторые его работы были изданы уже при Советской власти. После его смерти Академия наук СССР опубликовала сборник статей «Памяти Н. А. Котляревского. 1863—1925» (Л., 1926).

[1] Лекции убежденного монархиста С. Ф. Платонова внимание слушателей привлекли главным образом за счет удачного красочного изложения. В свою очередь Г. В. Форстен, хотя и стоявший полностью на буржуазных позициях, тем не менее стремился не к простому пересказу исторических событий, а к анализу, к сожалению ограниченному из-за его политических убеждений. Историю России он сопоставлял с ходом развития старых европейских капиталистических стран.

век, а 36 — срезались и были отчислены из академии в полки. При мне же перешли из старшего курса на дополнительный курс из 78 человек только 52 человека. 26 — срезались и были отправлены в полки. Из этих 52 попал в Генеральный штаб 41 человек, 8 признаны окончившими успешно, а трое отчислены в полки. Таким образом, из 114 поступивших попали в Генеральный штаб только 42.

В районе действий 2-й армии (И. И. Вациетис смотрит в бинокль)

12

Первый же экзамен положил начало для группировки на избранных и неудачников. Здесь необходимо остановиться на одной подробности, пусть маленькой, но характерной. Дело в том, что слушатели академии во время первого года невольно держались обособленно: гвардия с гвардией, армейские офицеры составляли другую группу.

В течение первого года эти группы были настолько отчуждены друг от друга, что многие между собой ни разу не говорили. Гвардия не могла отказаться от своей фанаберии, армия считала ненужным заискивать перед гвардией.

В академической столовой гвардейцы имели свой особый стол для завтрака. Среди них, между означенными двумя группами, болтались бедные гвардейцы неаристократического происхождения и представители армейской кавалерии[1], не принятые в гвардейских кругах. Гвардейцы в течение первого года шиковали, в особенности гвардейская кавалерия. После завтрака многие гвардейцы удирали из академии...

Академическое начальство и весьма значительная часть профессуры смотрели на гвардейцев как на самый желанный контингент для комплектования Генерального штаба. В мое время был даже один профессор, который, обращаясь к гвардейцу, говорил так: «Когда вы будете в Генеральном штабе...», а обращаясь к армейцу, говорил иначе: «Если вы будете в Генеральном штабе...».

Я был офицером крепостного полка, т. е. из самой глубокой армии. Но все-таки я не могу сказать, чтобы ко мне была проявлена несправедливость. Однако все же двузначный балл давался гвардейцу легче, чем армейцу.

Общей тенденцией было отыскать среди слушателей талантливых командиров для Генерального штаба, и в случае малейшего намека на присутствие в офицере «искры божьей» на такого человека обращали внимание, к нему присматривались. Но так делала лучшая часть профессуры, более талантливая; старые профессора, наоборот, не любили оригинальной мысли, они боялись, что она будет влиять на их самостоятельность.

На первый экзамен шли с большим волнением. Получить 11 или 12 баллов на первом экзамене, в особенности по одному из главных предметов, значило подъем духа,

---

[1] Армейская кавалерия никак не могла сравниться с гвардейской, среди которой, по подсчетам известного советского историка П. Н. Зайончковского, в конце XIX века был самый высокий процент родовитых дворян, другими словами, представителей богатых аристократических семей (96,3%); меньше их было в гвардейской пехоте и артиллерии (90,5% и 88,7% соответственно). Значительно ниже удельный вес аристократов был в обыкновенной армейской пехоте (39,6%). См. Зайончковский П. Н. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973. с. 203.

уверенность в своих силах. Зато провал на первом экзамене приносил не только огорчение, но и необходимость стараться на будущих экзаменах наверстать его. Второй и третий экзамены уже окончательно намечали группировку сил и настроения. Результаты экзаменов могли служить правдивой вывеской умственных способностей слушателя. Само собой разумеется, что я не допускаю даже и мысли о том, что по результатам экзаменов можно судить о талантливости и тем более о гениальности человека.

Талант и гений проявляются на широчайшей арене практической жизни.

К концу экзамена на первый план выступили наиболее способные, признак привилегированности рода оружия (гвардия) утрачивал свою привлекательность. Предметом зависти становились наиболее способные, получившие высокую оценку на экзамене.

Я выдержал переходной экзамен из младшего на старший курс в общем удачно. Но на экзамене по политической истории XIX века со мной случился казус.

Должен сказать, что этот предмет я очень люблю и много работал над ним. Курс я знал великолепно. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что экзамен пройдет отлично. Достался мне билет о воцарении Наполеона III. Ответил я отлично.

Профессор Форстен (он считался одним из самых строгих экзаменаторов) остался очень доволен. Видно было, что он хочет дать моим знаниям высокую оценку. Он стал спрашивать меня вне билета о возрождении Пруссии в начале XIX столетия, идеи Канта, идеи Фихте. Я отвечал великолепно.

— Превосходно, превосходно! — говорит Форстен. — Ну, еще один ответ, и я вас отпущу. С чего начал барон Штейн свою деятельность по возрождению Пруссии?

Я начал отвечать спокойно и толково. Вдруг Форстен, рассвирепев, бросил карандаш и билеты и закричал мне:

— Идите, идите, ничего не знаете! Ступайте, жаль, стыдно...

Я опешил и смотрю, что случилось с профессором: он весь побагровел и трясется. Я положил программу и ухожу. Вдруг он останавливает меня и спрашивает:

— Знаете ли вы, за что вы получите семерку?

Я отвечаю, что не догадываюсь.

— А за то, — говорит он, — что вы невнимательны. Разве я в году не обращал внимание всего класса на то, что Штейн начал свою деятельность с освобождения крестьян в Пруссии из крепостной зависимости?

Конечно, я тут догадался и, перебивая профессора, говорю:

— Я знаю, что на 10 ноября, т. е. в день Мартина, 1810 года все крестьяне должны были быть свободны.

— А разве я не предупреждал в году, что если кто-нибудь на вопрос о деятельности Штейна по возрождению Пруссии не начнет ответа с того, что он начал свою деятельность с освобождения крестьян, то получит семерку? Разве я не указывал, — продолжает он все более и более свирепея, — что господа офицеры не хотят понять важность этого события. Вы офицеры из аристократов и из дворян, и я крайне удивляюсь вашему невниманию, вашей индифферентности к этому вопросу. Если бы Россия взяла пример со Штейна, то она теперь была бы богатая и цветущая страна. Мне жаль, что судьба массы народной, обездоленной, бесправной и обнищавшей, вас так мало интересует. Это вы доказали тем, что игнорируете мое предупреждение, сделанное зимой. То, что с вами случилось теперь, случается каждый год и почти на каждом экзамене. Идите, жаль...

Уходя я думал: вот распекал аристократа, а мой отец 38 лет был батраком, сам я с шести лет должен был зарабатывать себе на пропитание.

Позднее, после окончания академии, на службе, я встретил подобного неврастеника — начальника дивизии, генерал-лейтенанта. Этот тип на смотру задавал один и тот же вопрос в каждой роте:

— Как будешь бить врага?

Ответ должен быть:

— Стрелять.

— Патронов нет? — спрашивает дальше генерал.

— Буду колоть штыком.

— Штык сломался.
— Буду бить прикладом.
— Приклад сломался.
— Возьму ружье, как дубину, за конец.
— Все сломалось!
— Буду бить кулаком.
— Кулак, братец мой, расшибся.
— Хвачу камнем.
— Камня нет.
— Буду грызть врага зубами.
— Зубы сломались.
— Брошусь на врага головой.
— Отлично, отлично, братец, — говорил генерал, когда солдат отвечал так, а если хотя бы немного иначе, то — плохо, все остальное никуда не годилось.

К концу экзаменов ряды слушателей значительно поредели: из 114 почти четвертая часть срезалась. Выдержавшие экзамены отправились на полевые съемки. Мне достался участок у станции Плюсса. Участок в две квадратные версты надобно было снять в 8 дней полуинструментальной съемкой при помощи кипрегеля[1]. Эта работа требовала постоянного пребывания в поле с самого раннего утра и до позднего вечера. Я работал на полях и в лесах, проводя триангуляцию, измеряя и нанося подробности.

В середине июля началась новая поездка. Мне достался участок в районе Павловска. Ежедневно по вечерам я посещал Павловский курзал[2], где слушал музыку. Здесь я впервые научился понимать музыку и стал увлекаться ею. Моей мечтой было создать хороший оркестр. Формируя в конце 1915 года в Риге 5-й Земгальский латышский полк, я получил возможность осуществить ее.

После полевых работ, которые закончились для меня отлично, я поехал на три недели в отпуск в Ригу.

С 1 октября 1907 года начались занятия в академии на старшем курсе. Предметы все очень серьезные, много практических занятий. Среди предметов, очень интересовавших меня, была статистика.

На выпускном экзамене для перевода на дополнительный курс надо было иметь не менее 10 по сочинению. Мои занятия увенчались большим успехом: на экзамене я писал сочинение на тему: «Причины влияния наполеоновских войн на увеличение национального чувства в Европе в начале XIX столетия». На работу дано было четыре часа и моя работа была оценена всеми тремя профессорами, оценивавшими сочинения, достойной высшей отметки — 12 баллов.

Выпускной экзамен я выдержал сравнительно хорошо, имея одиннадцать баллов в среднем.

Предстояла летняя работа, состоявшая из съемки, поездки в Ковно для осмотра крепости, полевых поездок. На съемках я был в Новгородской губернии около города Валдая. Более интересная была поездка в Ковно для осмотра крепости. В этой крепости я начал свою офицерскую службу на должности младшего офицера 3-го крепостного полка. Все крепостные сооружения мне были хорошо знакомы по прежней службе.

На вокзале меня встретили представители от общества офицеров полка, приветствовали меня и пригласили в лагерь в офицерское собрание на ужин. Меня до слез обрадовало такое внимание товарищей. Два дня я провел в полку среди товарищей, делясь воспоминаниями.

Товарищи высказали свое крайнее удивление тому, что я сразу поступил в академию и в первый раз не срезался, как это обыкновенно бывало в большинстве случаев. Многие даже не знали, что я готовился в академию.

Там же на ужине сидели четыре человека, которые в былое время когда-то приобрели все учебники для поступления в академию, но поступить не удалось. Товарищи почему-то очень завидовали мне, называли меня счастливчиком. Но никто из них не представлял себе, какого труда стоило это мне. Они совершенно не знали, что в то время, когда они веселились и брали все

---

[1] Кипрегель — инструмент, раньше широко применявшийся в практической топографии.

[2] Павловский курзал (зал отдыха) славился своими концертами симфонической музыки, в которых нередко участвовали знаменитые исполнители и композиторы, например Ф. И. Шаляпин, А. В. Неждановa, а также И. Штраус, А. К. Глазунов.

Член РВСР А. И. Окулов, член РВС армии Советской Латвии Я. Я. Пиече (Пече) и главком И. И. Вациетис в Даугавпилсе в январе 1919 г.

от жизни, я сидел дома и учился или бегал в библиотеку за книгами.

Среди офицерства было много загадочных натур, много было высокообразованных людей. После революции 1905 года началось сближение офицерства с другими классами общества. Для русского офицера начался этап просвещенного индивидуализма. Обыкновенно принято было думать, что русское армейское офицерство является отсталым и малокультурным. Этот взгляд не верен. Вообще говоря, русское офицерство не заслуживает того, чтобы его ставить по культурности ниже других слоев общества. Достаточно вспомнить, что из офицерской среды вышли декабристы, Лермонтов, Лев Толстой. На русского офицера смотрели свысока по той причине, что он человек со средним образованием. Я очень часто удивлялся узости кругозора пожилого инженера, или прокурора окружного суда, или губернатора. Многие из них не могли выдержать конкуренции по эрудиции с армейскими офицерами. В то же время в старой армии было много рутины и невежественного самодурства.

Случай из моей жизни. Дело было во время русско-японской войны, в первый год войны. В офицерском собрании присутствовал командир полка, который стал разбирать действия маршала Оямы[1] и генерала Куропаткина[2]. Мне показалось, что командир смотрит на положение или пристрастно, или с очень узкой точки зрения. Выждав, когда он кончил свою речь, и видя, что я никого не перебиваю, я стал высказывать мысли с другой точки зрения, начиная словами:

— Я думаю... а потому я думаю...

Вдруг полковник обрывает меня и говорит мне внушительно:

— Знаете ли, поручик, какое нам дело до того, что вы думаете. Ведь я говорил не то, что я сам думал, все мною сказанное я слышал от его превосходительства корпусного командира. Вы понимаете, что такое «вы думаете»? Да и вообще вы недисциплинированный офицер.

Уходя из собрания, командир бубнил себе под нос:

— Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

---

[1] Ояма И. (1842—1916) во время русско-японской войны был главнокомандующим японскими сухопутными войсками в Маньчжурии и на полуострове Ляодун.

[2] Генерал Куропаткин А. Н. (1848—1925) с 13 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г. исполнял обязанности главнокомандующего русскими войсками на Дальнем Востоке.

В 1901 году в полк, в котором я тогда служил, был назначен новый командир вместо переведенного в другой гарнизон за слабое отношение к дисциплине. Полагали, что вновь приехавший подтянет полк, возьмет его в ежовые рукавицы. Он начал... с отдачи чести и заявил, что это для него все.

Только начиная с 1910 года старая императорская армия стала перерождаться, но это перерождение шло очень медленно, поэтому наша армия в 1914 году вступила в войну без строго определенной нравственной физиономии и без достаточной рациональной обученности.

После полевых поездок, которые закончились около 20 сентября, подводились итоги. Общее внимание было обращено на то, кто будет удостоен перевода на дополнительный курс, а кто — должен будет ехать в полк. Один профессор говорил, что ничего нет легче, чем отчислить из академии офицера: надо только поставить на одну сотую балла меньше того, что требуется. Вот этого обстоятельства мы, армейцы, очень опасались, многим оно принесло разочарование.

В день конференции[1] академия была битком набита офицерами. Заседали долго. Я был в числе окончивших академию по первому разряду и переводился на дополнительный курс[2] с награждением академическим значком. Когда я шел домой из академии, мне припомнилось, что 17 лет тому назад я поступил в учебный батальон рядовым. Тогда я вступил на путь тяжелой военной службы со светлой мечтой добиться высшего образования, идя военной дорогой. Теперь моя мечта сбылась. Я был счастлив. Я пришел домой (семья была в Риге) и от радости не знал, что делать. Вечером же уехал в Ригу в отпуск до 1 октября.

[1] На упомянутой конференции были подытожены результаты как по теоретическим дисциплинам, так и по практическим работам каждого слушателя Академии Генерального штаба.

[2] На дополнительный курс зачислялись лишь те из слушателей, которые окончили оба основных по первому разряду. К тому же начиная с 1907 года им по всем основным предметам необходимо было иметь полных 10 баллов. Общее количество слушателей дополнительного курса каждый год определял военный министр. Дополнительный курс был предусмотрен главным образом для практических занятий с офицерами, которые после его окончания готовились служить в Генеральном штабе.

На дополнительном курсе дают для разработки темы. Первая тема военно-историческая. Мне досталась четвертая революционная война во Франции в 1794 году.

Тема чрезвычайно интересная. Я изучил богатейший литературный материал об этой кампании. Но овладеть темой мне все-таки не удалось. Я чувствовал какую-то усталость, перешедшую в равнодушие.

Что касается моих оппонентов, то от одного из них я с уверенностью не мог ждать ничего хорошего. Этот профессор[1] отличался крайним самолюбием и раздражительностью. В особенности возражать ему было крайне опасно, когда он был не в духе. У меня с ним была схватка на выпускном экзамене по тактике. В академии держались того мнения, что возражать ему — это все равно что тигра дернуть за хвост.

Другой оппонент был в высшей степени тактичным и выдержанным.

За 50 минут я должен был доложить всю эту огромную кампанию. Начали говорить оппоненты. Первый по обыкновению начал безбожно критиковать: «Это нехорошо, это неправильно, это не так...». Но ни разу не сказал, как хорошо, как нужно и как правильно. Я стал возражать и очень удачно. Он стал горячиться. Я уличил его в незнании фактической стороны этой войны. Он еще больше рассердился. Но все-таки, увидев, что я не из тех, которые пасуют, оборвал оппонирование, заявив мне, что я из «хорошо» не выскочил, значит 9 и 10.

Другой оппонент оценил мою работу на очень хорошо, значит — 11. В результате в окончательном вы-

[1] Есть основания предполагать, что упомянутый профессор был полковник (позже — генерал) М. Д. Бонч-Бруевич.

воде я получил $9^1/_2$ балла на эту тему. Я отнесся к этому равнодушно, но присутствовавшая аудитория нашла оценку несправедливой, очень низкой.

Должен заметить, что у меня не было особенно большого желания служить в Генеральном штабе. Штабная работа мне вообще не нравилась. Кроме того, я не подходил к этой корпорации вследствие своего плебейского происхождения. Я не хотел быть в Генеральном штабе последним, я хотел быть в строю, но первым.

Вторая тема была отвлеченная. Мне досталась такая тема: «Сравнительное значение для Германии в военном отношении Восточной Пруссии и Эльзас-Лотарингского плацдарма». Эту тему можно разрабатывать двояко: или как военно-географическую, или же как чисто стратегическую.

Я написал доклад, взяв за основу тогдашнюю группировку европейских государств. Я допускал, что подготавливается европейская война. Группировку держав представляли с одной стороны Россия, Франция, Англия, Сербия и Болгария, с другой стороны — Германия, Австрия[1] и Румыния. Турция и Италия — нейтральны[2]. Я доказал, что Германия нападет на Францию через Бельгию, нарушив нейтралитет, что это заставит ввязаться в войну Англию. И как вывод определил, что Эльзас-Лотарингский плацдарм будет иметь второстепенное значение как для Франции, так и для Германии.

Что касается Восточной Пруссии, то значение ее вывел из того обстоятельства, что германский флот, уступая англо-французскому, должен будет на Северном море вести оборонительные действия, но зато разовьет всю свою мощь в сторону Балтийского моря[1], господство на котором ему бесспорно обеспечено.

На этом докладе присутствовал сам начальник академии[2]. Окончив доклад, я заметил на лице моих оппонентов недоумение. Как прежде, так и на этот раз, профессор начал с жесточайшей критики и вел свою критику бестолково. Я стал возражать. И я чувствовал, что если бы дело происходило в свободной от воинской дисциплины аудитории, то я своего оппонента разгромил бы наголову. Кончилось тем, что этот профессор отказался оппонировать мне, заявив, что считает мой труд лишь удовлетворительным.

Другой оппонент отделался полусловом и воздержался от завязки спора со мной, заявив, что считает мою работу неудовлетворительной. Но тут начальник академии вступился за меня и в своем разборе высказал много лестного по поводу моей работы. Результат — 8 баллов. Так что клонилось к тому, что я в Генеральный штаб не попаду, так как за третью тему мне надо было получить 11,5. Но такой высокий балл редко кто получает, ибо третья тема очень сложная и трудная. В нее входит стратегия, тактика, статистика, военная администрация и железнодорожное дело. Я решил эту задачу разработать на балл душевного спокойствия, то есть на 7, но я ошибся, так как получил $7^3/_4$ балла[3].

---

[1] Правильнее: Австро-Венгрия.

[2] В годы первой мировой войны обе указанные враждебные группировки воевали в измененном составе: на сторону Германии и Австро-Венгрии перешли Турция и Болгария, к Антанте примкнули Италия, Румыния, США, Япония и другие государства.

[1] Во время русско-японской войны военно-морской флот России (в том числе и Балтийский) понес очень большие потери. Однако накануне первой мировой войны (с 1908 по 1914 г.) в развитие российского военно-морского флота были вложены огромные суммы — более 350 млн. рублей (см. «История СССР». Первая серия, т. VI. М., 1968, с. 524). Этому немало помогла позиция Николая II при распределении средств, предназначенных для вооруженных сил России.

[2] Начальником Академии Генерального штаба был тогда генерал Д. Г. Щербачев.

[3] Для того чтобы успешно окончить дополнительный курс, по основным предметам необходимо было получить в среднем полных 10 баллов, а по вспомогательным — 9 (в среднем), однако не ниже 7 баллов по каждому отдельному предмету.

Третья тема представляла собой очень интересную работу. На докладе этой темы у меня вышел курьезный инцидент со всеми тремя оппонентами. Инцидент начался с оппонента по тактике, замечания которого по поводу моей работы показались мне несправедливыми, а мои возражения оппонент счел неосновательными. Я перестал ему возражать. Он задал вопрос, почему я не возражаю ему. Я ответил, что согласен со всеми теми замечаниями, которые он сделал, как равно и теми замечаниями, которые он сделает при дальнейшем разборе моего труда. За это я получил предупреждение от председательствующего.

С другими оппонентами у меня тоже вышло столкновение. Кончилось тем, что все три оппонента на меня рассердились и поставили мне за эту тему в общем $7^3/_4$.

Разбирая инциденты с оппонентами на всех трех темах, я вижу теперь, что в большинстве случаев я был прав. Тогда я отстаивал свою самостоятельную точку зрения, которая являлась результатом добросовестного и упорного штудирования академического курса.

В конце концов в среднем за два курса академии и за дополнительный курс получилось у меня 9,4. Для причисления к Генеральному штабу требовалось в среднем 10 баллов. По этой причине я не был причислен к Генеральному штабу. В таком же положении очутились еще 6 человек. Однако конференция постановила считать меня окончившим дополнительный курс с отметкой «успешно».

Итак, 3 мая 1909 г. я достиг поставленной цели: окончил высшее учебное заведение, достиг того, к чему стремился в течение долгих восемнадцати лет. 5 мая мы должны были представиться государю в Царском Селе по случаю окончания академии, а 6-го отправиться к месту назначения. Я получил назначение отправиться для отбытия лагерного сбора при штабе 45-й пехотной дивизии для ознакомления с обязанностями офицера Генерального штаба.

В Царском Селе нас выстроили в одну шеренгу в Малом дворце[1] в огромном зале. Нас, не причисленных, было 7 человек и нас построили на левом фланге. Я стоял четвертым в этой группе. Ждали около двух часов.

Меня очень интересовал этот случай, так как я хотел увидеть вблизи человека, которому я тогда служил 18 лет и которого за это время ни разу не видал. А нас учили, что надо его любить, уважать. В каком же хозяйстве или предприятии хозяин никому не показывался?

Наконец около 2 часов[2] раздалась команда начальника академии:

— Смирно, равнение налево!

И в сопровождении военного министра Сухомлинова[3] и начальника Генерального штаба Мышлаевского[4] вышел Николай II. Среднего роста, исхудалый, цвет лица зеленовато-пепельный, небольшая борода, волосы напробор. Он был в форме стрелкового батальона своего имени.

Сначала я себя чувствовал в приподнятом настроении, прилив какого-то чувства напряженности. А потом это прошло и сменилось обыкновенным чувством апатии, как это уже бывало сотни раз при представлениях.

Он каждого подробно расспрашивал о службе, об успехах. Наконец подошел к нашей группе. На правом фланге группы стояли трое, о которых начальство хлопотало через тетушек, кумушек, кузин и военного министра о их причислении к Генеральному штабу, хотя у них не хватало до 10 баллов по 0,2 или 0,3.

---

[1] После революции 1905—1907 гг. Николай II постоянно жил в Царском Селе. Так как царь со своей семьей поселился в Александровском замке, упомянутое представление, думается, состоялось там, а, как это видно из текста воспоминаний, никак не в Большом (Екатерининском) дворце.

[2] То есть 14 часов.

[3] Сухомлинов В. А. (1848—1926) — генерал, военный министр царской России с марта 1909 г. по июнь 1915 г.

[4] Мышлаевский А. З. (1856—1920) — генерал, историк, профессор Академии Генерального штаба на рубеже веков, с марта по сентябрь 1909 года исполнял обязанности начальника Генерального штаба.

Сухомлинов докладывал:

— Ваше императорское величество, эти не могли быть причислены к Генеральному штабу, так как у них до 10 баллов недостает по одной сотой.

А Мышлаевский поправил Сухомлинова:

— У них не хватает по одной десятой, — уличая военного министра в неточном докладе.

Сухомлинов отпарировал:

— Даже по одной десятой, — и злобно взглянул на начальника Генерального штаба.

Во время этого диалога Николай посматривал на тех трех и сказал:

— Хорошо.

Со мной он поговорил минуты две-три, расспрашивая о прохождении службы.

— Ну, дай бог успеха, — сказал и продвинулся к моему товарищу.

Эта маленькая встреча с могущественным монархом величайшей империи на меня произвела крайне игривое впечатление. Мне почему-то пришла мысль, что если бы в этот зал зашел бы прохожий, то он обратился бы к Николаю II с просьбой сказать, не знает ли он, как увидеть императора всероссийского, короля польского, великого князя финляндского и пр., пр., пр....

Мне Николай II показался человеком ограниченных умственных способностей, непроницаемым.

Вечером того же дня в академии был обед окончивших дополнительный курс с участием академического начальства и профессоров. Обед начался в 8 часов вечера[1] и затянулся до 6 часов утра. Не знаю почему, но в начале обеда у меня было ужасно скверное настроение. На меня произвел скверное впечатление этот торг с одной десятой и сотой. Мне что-то было обидно.

Среди окончивших сорок процентов были гвардейцы. Гвардейцы добились незадолго до этого особых привилегий, а именно: в Петербургском округе в Генеральном штабе служат только гвардейцы, офицеры Генерального штаба Петербургского округа носят особые отличия на погонах. Это свидетельствовало, что в высших сферах начинают выдвигать гвардейцев в ущерб армейцам. Все преимущества были на стороне гвардии.

Под влиянием подобных размышлений я в уме сделал набросок речи, которую озаглавил: не загораживайте рта у вала молотящего. В ярких красках я обрисовал угнетенность и безрадостное положение армии, оторванность ее от центра и от народа. Указал, что сердце народное должно биться в унисон с сердцем его армии, а не гвардии, которая служит для опоры реакции. Указал, что в Манчжурию не был послан ни один гвардейский полк[1]. Указал, что гвардия не имеет никаких нравственных преимуществ, что вал молотящий — это армия.

Моя речь была выслушана с чрезвычайным вниманием. По мере того, как я развивал свою тему, я сам взволновался и пример за примером сыпал для подтверждения доводов. Но того, что случилось после окончания речи, я не ожидал. Когда я громовым голосом заявил, что если армия не будет выведена из состояния заброшенности и оторванности от трудовых масс, то нас ожидает катастрофа на европейской войне, мы должны восстановить честь нашего оружия, эти мои слова вызвали овацию, меня подхватили на руки и начали качать.

После этой речи я стал центральной фигурой на этом торжестве. Один из профессоров подхватил меня под руку и вывел в другую комнату, расцеловал меня и говорит:

— Благодарю, благодарю, видите, у меня слезы льются, я сам революционер. Мы о вас еще услышим, нельзя обижать армию. Что такое гвардия? Это веселая компания, она оторвалась от народной массы...

Другой профессор подошел ко мне и говорит:

— Кто мог подумать, что вы такой смелый оратор, ведь то, что вы говорили, все сознают, но только не смеют высказать.

В шесть часов утра устроили парадное шествие по всем аудиториям под звуки духового оркестра гвардии конного полка.

---

[1] Здесь более уместно говорить о званом обеде или банкете.

[1] То есть во время русско-японской войны.

Три года я провел в Петербурге, с 1906 по 1909 год. За это время я один раз был в театре и больше нигде. Я хорошо знал дорогу к книжным магазинам Вольфа, Карбасникова, Верезовского и Главному штабу. Пульс столичной жизни можно было уловить из разговоров с гвардейцами, в особенности офицерами аристократических кавалерийских полков. Им известны были все тайные пружины и вся салонная жизнь высшего света. Главный рычаг, чтобы добиться намеченной цели, — деньги. Богатый — все, бедный — самодвижущийся нуль. Деловая жизнь в штабах и канцеляриях держалась на тружениках.

Так размышлял я в поезде из Петербурга в Вильно, переезжая к месту новой службы.

15

Со времени окончания академии начинается новый период моей жизни. Я задавал себе вопрос: «Что же дальше?». Я мог удовлетвориться служебной карьерой и с этой целью отдаться целиком службе. Но в течение лета 1909 года в штабе 45-й дивизии я увидел, что штабная жизнь меня удовлетворить не может: она слишком шаблонная, она обрекла офицера Генерального штаба на пожизненную должность писаря. Что же касается строевой службы, то она гораздо разнообразнее и интереснее, но если заняться исключительно ею, то тоже, в конце концов, чувствуется скука, неудовлетворенность.

Мне предстояло с осени 1909 года прокомандовать ротой три года, а затем быть командиром батальона, бригады, дивизии и т. д. в зависимости от того, как повезет. Вернее всего, что я, если бы не было войны, успел бы добраться до должности командира корпуса. Однако эта должность меня не удовлетворяла.

К осени 1909 года у меня составился определенный план на будущее. Мне было 36 лет, значит до предельного возраста оставалось лет 20—25. Я постановил в принципе: до 50-летнего возраста служить в строю, а потом перейти на военно-ученую должность на кафедру профессора в Академии Генерального штаба. Значит, книги бросать нельзя, надо учиться дальше.

Для изучения я избрал две эпохи. Первая — войны Петра Великого, вторая — войны Наполеона после 1912 года, то есть после изгнания из России. Изучение войн эпохи Петра Великого давало мне возможность ознакомиться с условиями ведения большой войны на территории

В штабе Восточного фронта летом 1918 г. (И. И. Вациетис — второй справа у стола)

Европейской России, а изучение войн Наполеона — ознакомиться с ведением боевых действий на территории Западной Европы. В обоих случаях действия Петра Великого и Наполеона дают первоклассные образцы стратегии и военно-организаторского опыта в обширнейшем смысле.

Весь цикл войн обеих эпох я проштудировал и законспектировал в течение 1910—1913 годов. В то же время, изучая эти войны, я выступал с лекциями о наиболее поучительных эпизодах из них в гарнизонных собраниях в Вильно, Ковно, Гродно, Двинске[1] и Витебске. Конечной конкретной целью моих лекций было написать фундаментальный труд по военной философии и представить его в качестве диссертации на соискание звания профессора военной философии. Другими словами, я задался целью заполнить весьма существенный пробел в программе Академии Генерального штаба, в которой военная философия отсутствовала. Я задался целью создать в академии кафедру военной философии.

Цель весьма почтенная, но крайне трудно достижимая в отсталом монархическом государстве, какой была Россия, где философия войны исчерпывалась коротко и ясно — сражаться «за веру, царя и отечество».

К началу 1914 года мои занятия весьма значительно продвинулись вперед. Но война прекратила мои кабинетные занятия и раскрыла передо мною совершенно неведомую книгу, — в ней заключалась настоящая война, на которую я собирался бросить философский взгляд, чтобы найти ей место среди мировых явлений человечества.

Окончание следует

[1] Ныне Даугавпилс.

И. И. ВАЦИЕТИС

МОЯ ЖИЗНЬ И МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Лето 1909 года я провел при штабе 45-й пехотной дивизии, стоявшей лагерем при ст. Икскюль (в 28 верстах севернее Риги). Исполнял я обязанности офицера Генерального штаба. Я сделал крупную работу по рекогносцировке[1] района предстоящих маневров от Икскюль до Вибстишки и составил задание на маневр на каждый день для частей 45-й дивизии во время подвижного сбора от 16 августа до 2 сентября. Эта огромная работа была выполнена мною в течение трех недель, проведенных почти исключительно на коне.

С 16 августа начались большие маневры. Первый маневр был двусторонний. Одна сторона — южная (полк пехоты, полк конницы и дивизион артиллерии) — должна была оборонять переправы через р. Двину, располагаясь в районе Балдоны.

Другая сторона — северная (два полка пехоты, два полка конницы и бригада артиллерии) — должна была совершить переправу через р. Двину на участке Куртенгоф[2] — Огре и отбросить противника.

Маневр был разработан мною очень тщательно. Все было бы очень хорошо, если бы не напутали мои расчеты некоторые старшие начальники, которые совершенно не соблюдали расчет времени. К полудню все части должны были уже переправиться на левый берег, но некоторые опоздали, некоторые столпились у места переправы... В общем, маневр не получился, и командир корпуса рассердился и уехал.

Вот этот первый случай, который навел меня на мысль, что теоретический расчет и практическое исполнение его не всегда плотно смыкаются, между ними остается скрытая для неопытного глаза пропасть, для заравнивания которой необходим... опыт.

Кроме того, на этих маневрах я познакомился близко с высшим начальством и убедился тогда, что характер, знания и опытность играют главную роль в практическом деле, а не красивые слова и громкие приказы.

В сентябре я уехал в Ковно в мой родной полк и был назначен командиром 4-й роты. Несмотря на то что командование ротой отнимало много времени и труда, я все-таки принялся за изучение Великой Северной войны[1] и, кроме того, ввиду предстоящей годовщины Грюнвальдской битвы[2], мне было поручено

---

[1] Рекогносцировка — изучение местности, расположения противника и т. д., осуществляемая командным составом перед военными операциями, а во время маневров — в период их подготовки.

[2] Ныне — Саласпилс.

Окончание. Начало см. «Даугава», № 2, 3 и 4.

---

[1] (Великая) Северная война продолжалась с 1700 по 1721 год между Швецией и царской Россией, которая боролась за выход к Балтийскому морю.

[2] Грюнвальдская битва (в немецкую литературу она вошла под названием Таненбергская) в 1410 году принесла победу объединенным литовским, польским и русским войскам над рыцарями Тевтонского ордена, которому был нанесен смертельный удар, что остановило дальнейшую агрессию ордена на восток. В июле 1910 года исполнялась 500-я годовщина этой битвы.

изучить эту эпоху и сделать доклад в гарнизонном собрании.

В августе 1910 года крепостные полки были расформированы, и я был переведен в 100-й пехотный Островский полк, где был назначен начальником учебной команды. Этот полк стоял в Витебске. Неся службу в строю,. я упорно продолжал выполнение поставленной цели, а именно: работал над Петровской эпохой и изучал литературу по вопросу военной философии.

Ежегодно на время больших маневров меня прикомандировывали к штабу 25-й пехотной дивизии на должность офицера Генерального штаба, а в 1912 году я использовался на маневрах на должности начальника штаба дивизии. Зимой 1910—1911 годов я два месяца исполнял обязанности штаб-офицера Генерального штаба для особых поручений при штабе 20-го армейского корпуса.

В 1912 году после маневров я был произведен за отличия по службе в подполковники и переведен в 102-й пехотный Вятский полк в Гродно на должность батальонного командира. Итак, этот чин я получил на 21-м году службы, другие получали гораздо раньше.

С этим полком, будучи командиром батальона, я выступил на войну. Жизнь в 102-м пехотном полку отличалась тем, что я страшно много работал. Кроме моих прямых обязанностей по должности батальонного командира я должен был вести тактические занятия в школе подпрапорщиков и с офицерами. Делал сообщения в полковом и гарнизонном собраниях разных городов округа.

За два года я основательно проштудировал Наполеоновскую эпоху после 1812 года и законспектировал кампании 1813, 1814 и 1815 годов. Изучал политическую экономию. В особенности уделял много внимания уяснению для себя вопроса о влиянии войны на жизнь и развитие государств и народов. Ввиду целей, которые я поставил перед собой, меня очень интересовала война как событие и ее результат. Теперь, когда мировая война стала свершившимся фактом, она открывает множество возможностей для получения ответа на те вопросы, над которыми я ломал голову до нее.

Мировая война обогатилась событиями первейшей важности. Историки и мыслители всех стран света имеют перед собой очевидные данные, чтобы решить в положительном смысле все вопросы, относящиеся к тому или другому значению войны. Мы имеем перед собой законченную историю империалистической войны и почти двухлетнюю историю колоссальнейшей в мире гражданской войны. В этих войнах философия нашла многие подтверждения своей необходимости. Те, кто отрицал существование военной философии, убедились, что она должна быть. Более пяти лет человечество отдает вооруженной борьбе и ее последствиям свои помыслы, энергию, огромное количество жизней и материальных средств. Во имя чего это делается? Военная философия должна осмыслить это.

16

Когда узнали о войне[1], у большинства стала ясна конечная цель назначения. Я же как-то раздвоился. Ведь затаенной целью моей жизни, моих стремлений являлось найти возможность улучшить горемычное житье-бытье бедных людей. Для этой цели, пожертвовав почти личной жизнью, я учился и шел вперед, все выше и выше. Одно время меня занимала мысль выйти в отставку и стать членом Государственной думы[2]. Это было после 1912 года. Но как это сделать, научить никто не мог. Теперь же предстоит идти на войну и стать игрушкой случайности, подвергнуть жизнь и все затаенные цели моей тяжелой, трудовой жизни риску погибнуть, как погибают сотни и тысячи других.

---

[1] Поводом для начала первой мировой империалистической войны, как известно, послужило убийство 15 (28) июня 1914 г. в Сараеве наследника Австро-Венгрии Франца Фердинанда. Через месяц, т. е. 16 (29) июля, царская Россия приступила к мобилизации, что было использовано Германией как повод спустя несколько дней объявить России войну.

[2] Этот факт говорит о буржуазно-демократических иллюзиях И. И. Вацетиса в то время.

Когда я увидел, что наше военное министерство формирует XII армию, для меня стало ясно, что война на этот раз станет общенародным делом в противоположность прежним кабинетным и ведомственным войнам[1]. Передовые люди в армии это понимали и с нетерпением ждали преобразования государственного аппарата, ибо для нас было ясно, что вооруженный народ в конце концов совершит это силой.

На позициях мы часто обсуждали этот вопрос, и до нас доходили отголоски глухой борьбы между Государственной думой и бюрократией. Этими вопросами интересовались не только офицеры, но и солдаты, в особенности сознательно относились попавшие по мобилизации рабочие элементы. Я был поражен, с каким спокойствием и знанием солдаты из рабочих обсуждали этот вопрос и с каким самоотвержением и храбростью они исполняли свой солдатский долг, умирая в боях в первых рядах. У меня в батальоне были рабочие-специалисты, на них я больше всего полагался в критические минуты.

Солдаты из деревенских жителей начали прозревать только после того, как побывали в Германии. Там они увидели богатство и порядок. Такие солдаты задавали откровенно вопросы мне: «За что мы воюем?» У меня установились с моими солдатами близкие, товарищеские отношения, они меня любили, доверяли мне и выручали из бедственного положения. Я, со своей стороны, старался беречь их в бою и заботился об их здоровье и об их домашних. И могу утвердительно сказать, что такие отношения нисколько не вредили дисциплине. Наоборот, мой батальон был самым боевым, гораздо лучше других. Я командовал 4-м батальоном. В полку так и говорили, что в полку есть три батальона и четвертый батальон.

Вот пример доблестных действий моего батальона. 2 ноября[1] за Варшавой, западнее Красновице, германская кавалерийская дивизия атаковала наш полк внезапно с тыла и сбросила с позиций 1, 2, 3-й батальоны и бывшие при полку две батареи. Мой же батальон остался на позиции, несмотря на то, что этого боролся с немецкой конницей, при которой были две легкие и одна тяжелая батареи. Германцы не могли заставить мой батальон покинуть позиции, несмотря на то что этого им очень хотелось, так как я занимал позицию, прикрывавшую фланг нашей дивизии.

Мой батальон был окружен с трех сторон спешенной конницей и с двух сторон подвергался перекрестному огню артиллерии. Только тогда, когда на помощь немецкой коннице направилась пехота, я отдал приказ прорваться к соседнему полку нашей же дивизии. Во время этого прорыва я был ранен ружейной пулей, пробившей мне насквозь сустав правого колена, но продолжал командовать своим батальоном.

Вслед нам германцы бросили в атаку два эскадрона, но они были нами расстреляны, а германскую военную батарею, участвовавшую в этой атаке и открывшую нам во фланг в упор картечный огонь, моя 13-я рота[2] разбила, перестреляв всю артиллерийскую прислугу и захватив два орудия. При этом я был второй раз ранен артиллерийской картечью в ногу, упал и остался на поле боя.

Четыре санитара хотели меня вынести, но так как образовалась группа людей, то германцы нескольких из них убили и ранили. Я просил их оставить меня, но не дать германцам захватить в плен. Однако германские кавалеристы нас заметили, спешившись, захватили шагах в 200 от нас деревню Белице и начали обстреливать нас из ружей, пулеметов. Гибель для нас была почти неминуемой. Тогда бывший около меня тоже раненый унтер-офицер 14-й роты быстро собрал всех, сколько мог, раненых, могущих действовать винтовкой. Набралось около

---

[1] Империалистическая война в свою орбиту вовлекла государства, на территории которых проживало около двух третей всех людей земного шара. В армии воюющих стран всего было мобилизовано примерно 66 млн. человек. За три с половиной года войны в армии царской России было призвано более 15,7 млн. человек (см. «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.». (В цифрах). М., 1925, с. 8).

[1] 1914 года.

[2] То есть 13-я рота 4-го батальона 102-го Вятского пехотного полка.

16 человек, они пошли в атаку на деревню Белице и выбили оттуда германцев. Благодаря этому мне удалось кое-как переползти в лощину и оттуда дальше и таким образом спастись от плена. Этот случай показывает, что дисциплина, основанная на началах боевого товарищества, является возможной и она есть наиболее прочная дисциплина.

Но такая дисциплина на войне возможна в тех частях, где основы ее были заложены в мирное время. Свой батальон я так воспитал еще в мирное время в течение двухлетнего командования им.

Мы на позициях узнавали по слухам о происходящей в Петрограде борьбе. Слухи были глухие и чаще всего вздорные. События на фронте приняли неожиданный оборот, то есть оказалось, что для современной войны наша солдатская масса ни технически, ни психологически не подготовлена.

Обилие пулеметов у противника и отличная выучка приводили к тому, что десятки тысяч людей выводились из строя с неожиданной быстротой. Затем обилие у противника тяжелой артиллерии и введение ее в полевом бою в передовые колонны создали в наших войсках представление о превосходстве технической стороны противника и нашей слабости. При первых разрывах тяжелого снаряда наши войска охватывала растерянность, кавалерия обычно спешила ретироваться вне досягаемости артиллерии, а пехота прижималась к земле, начинала окапываться, но часто поддавалась панике.

К весне 1915 года в войсках стал замечаться определенный психологический сдвиг от мужества и стойкости к неустойчивости и желанию избавиться от боевой опасности. Наша техническая отсталость привела к тому, что войсковая масса начала реагировать на это бедствие по-своему, то есть уклоняться от боя, сдаваться в плен.

К концу 1915 года мы израсходовали почти все обученные в мирное время кадры солдат и офицеров, в дальнейшем мы вынуждены были вести войну милицией, что по-нашему называлось всеобщим ополчением[1]. Наиболее милиционную физиономию приобрела пехота, так как она больше всего понесла потерь в своем личном составе, который в некоторых полках более десятка раз переменился. После пехоты больше всего потерь понесла артиллерия. Пехота поэтому стала наиболее подготовленной к революции, а за ней — артиллерия. Меньше всего потерь несла кавалерия, поэтому она до некоторой степени сохранила свою консервативную физиономию.

Можно сказать с уверенностью, что в 1916 г. русская армия уже не хотела сражаться. Это было видно во время наступательных действий на Рижском фронте, где я в то время командовал 5-м латышским Земгальским полком[2].

Причину отсутствия боеспособности русских войск надо искать в моральной стороне, ибо старые направляющие стимулы отжили свой век. Новые стимулы мужества и самоотвержения надо было искать в идеологии обновленной государственной жизни. Нужна была радикальная встряска обветшалого и одряхлевшего государственного организма. Нужна была... революция!

17

Революция надвигалась. В конце 1916 г. до позиций дошли слухи о тайной подготовке двором сепарат-

---

[1] За 1914—1915 гг. в качестве павших, умерших от ранений, раненых, контуженных, попавших в плен или пропавших без вести царская Россия потеряла в общей сложности 3403 тыс., а в 1916 году — более 2437 тыс. человек. В целом за сорок месяцев войны Россия лишилась 7 млн. человек. (См. «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.», с. 17, 30). В связи с этим уже в 1916 г. пришлось призывать родившихся в 1897 г., то есть новобранцев 1918 г., а в начале 1917 г. — новобранцев 1919 г. В царской армии в указанное время было много сорокалетних и более старших солдат (см. Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975, с. 20—21).

[2] После продолжительного лечения в госпитале И. И. Вациетис некоторое время был преподавателем в юнкерском училище, а в ноябре 1915 г. он возглавил 5-й латышский Земгальский стрелковый батальон (в дальнейшем полк), формирование которого только что было начато.

ного мира с Германией. Я в это мало верил сначала. Но в конце января 1917 г. мне стало ясно, что такого рода подготовка предпринята в войсках. Так, например, был получен строжайший по секретности и исполнению приказ от высшего начальства, на словах, сдать лишние патроны немедленно для отправления куда-то в тыл, оставив на пулеметную команду три тысячи патронов, а на винтовку 135 патронов на руках у солдат и в обозе — 87 (последние две цифры точно не помню). Тогда же я узнал, что и в артиллерии приказано сдать снаряды, оставив на орудие несколько сотен.

Это распоряжение было равносильно открытию фронта, так как оставшегося в войсках количества боевых припасов хватило бы всего на два-три часа боя. При таких условиях какие-либо самостоятельные выступления наших войск против демобилизации были бы невозможны. Тогда носились слухи о предательском замысле придворных сфер открыть Минский фронт, и непосвященные полагали, что это значит тайком перерезать наши проволочные заграждения.

Приказ о сдаче патронов был получен и мною, но я категорически отказался выполнить его, так как для меня было ясно, что без патронов германцы в любое время обезоружат наш полк.

От полученных на Варшавском фронте ранений я вынужден был лечиться одиннадцать месяцев. В ноябре 1915 г. я получил предложение вступить в командование 5-м латышским Земгальским стрелковым полком. Этот полк я начал формировать в ноябре 1915 г., был с ним во всех боях на Рижском фронте, а позднее сражался, обороняя этим полком Казань с конца июля 1918 г. до 7 августа того же года. Позже этот 5-й латышский полк оставался при полевом штабе в качестве охраны. Он был очень незначительного состава.

Латышских полков было всего 8. Они были сведены в две бригады без объединения обеих бригад в лице одного общего начальника. Позднее, осенью 1917 г., мне удалось вырвать согласие штаба Северо-Западного фронта об объединении латышских частей в состав отдельного корпуса по штатам Сибирского стрелкового корпуса.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 18 декабря 1917 г. я был назначен командиром Латышского корпуса, формирование которого шло очень успешно, но вполне закончено не было. В феврале 1918 г., ввиду наступления германцев, части Латышского корпуса были отброшены из Прибалтийского края частью в Москву, частью в Бологое. Некоторые полки совершенно рассеялись.

Из разрозненных остатков Латышского корпуса я впоследствии сформировал Латышскую дивизию. Формирование было начато мною в первых числах апреля 1918 г. Эта дивизия состояла из 9 стрелковых полков.

Во время одного боя, будучи тяжело раненным, я остался на поле боя среди убитых и раненых. Более двух часов я лежал, созерцая все страшное и некрасивое до отвратительности поле брани. И вот я увидел удивительную картину. Ко мне приближалась группа из двух солдат — русского и немецкого. Они передвигались, обхватив друг друга, медленно продвигались вперед, не обращая внимания на пули и снаряды. У каждого была перебита одна нога. Общая физическая беда их сблизила, и они перестали быть активными врагами.

На поле боя происходят такие чрезвычайно интересные явления, какие никто не увидит нигде в ином месте. Дело в том, что бывают такие ранения, последствием которых является неизбежная смерть. Это — при ранении в живот, в грудь, в голову, вообще говоря — в туловище. При таком ранении в известных случаях человек чувствует себя сначала удовлетворительно, потом наступает агония, которая длится дольше, иногда кончается быстро.

И вот тот, кто лежал на поле боя, мог заметить бессмысленную и отчаянную беготню людей. Я также наблюдал в тот раз такое. Я заметил, что по полю, где только что происходил жаркий бой, бегала масса людей с разорванными флагами. Я сначала не понял, в чем дело, что за люди, что за флаги и чего они

бегают. Мимо меня пробежало несколько таких. Глаза у них были страшно безумные, у некоторых закрытые, у многих изо рта шла кровь. У одного висела изо рта половина отгрызенного языка и обильно текла кровь. Почти все кричали, стонали и сквернословили. То, что казалось мне флагами, было не что иное, как бинты индивидуального пакета. Но эти бинты были странно и беспорядочно обвязаны вокруг головы, шеи, рук, груди и живота. Концы бинтов развевались по ветру и казались флагом.

Несчастные страдальцы находились в последних конвульсиях перед смертью, здоровые ноги и последние силы толкали их на беготню. Зрелище это жуткое. Тот, кто не лежал на поле боя прикованным к земле тяжелыми ранами, тот не может себе представить, как не хочется оставаться там, как хочется быть оттуда подальше.

Во время войны, наблюдая за настроением массы перед атакой, я пришел к заключению, что не менее 99 процентов этой массы были бы рады не идти на этот кровавый долг. Я наблюдал настроение одного полка, который согласно боевому приказу должен был идти в атаку в голове штурмующей колонны. Полк занял исходное положение, причем первая линия рот была в 70 шагах от германских проволочных заграждений. Колоссальный процент жертв был неминуем для головной части, тем более что у нас было мало ножниц для резки проволоки и проволоку было приказано рубить топорами. Этот полк по храбрости был одним из самых доблестных.

Я обошел все части полка перед атакой, говорил со многими стрелками и офицерами. Но вот за полчаса до начала атаки пришел приказ, что атака отменяется на неопределенное время, а полк штурмовой колонны отводится в резерв. По получении этого приказа все словно изменилось, недовольных не было.

На войне я был трижды ранен, один раз контужен, один раз расшиблен, один раз отморозил себе ноги. Расшиблен был ужасно. Это чрезвычайно интересный случай. Произошел он 12 января 1917 г. на Рижском фронте.

Я расположил свой штаб в немецком блиндаже, который окнами был обращен в сторону немецких батарей. Во время наступления 12 января немцы начали усиленно обстреливать занятый мною блиндаж. Снаряды ударялись о крышу и отскакивали от железобетонного покрытия. Многие снаряды ложились впереди окна и осколками вышибли стекла.

Я сидел перед окном, писал донесение и по телефону разговаривал со своими батальонными командирами и с высшим начальством. Мне пришла мысль, что я могу быть ранен случайным осколком и выведен из строя. Поэтому я встал с целью отойти от окна. Но в ту же секунду послышалось приближение какого-то дьявольского гуденья. Машинально я бросился за бревно, служившее подпоркой потолка. Но в это время случилось что-то ужасное. Шестидюймовый снаряд влетел в окно и, ударившись о подоконник, разорвался, выбросив свои осколки в блиндаж. Я потерял сознание.

Когда меня привели в чувство, то я увидел, что внутри блиндажа каша из человеческих тел и все горит. В блиндаже было 8 офицеров и человек 20 связистов, стоял крик умирающих и искалеченных и бьющихся в панике от пожара. Я был страшно разбит, но ранений не было. После этого я еще девять дней оставался в строю, а потом меня отправили в госпиталь, где я пролежал шесть недель. Этот снаряд разорвался от меня не дальше двух-трех шагов, и контузия от разрыва была ужасная.

Второй раз от смерти я избавился в ночь на 7 августа в Казани. В то время я состоял Главнокомандующим Восточным фронтом. Казань атаковали чехословацкие и другие войска белых. Я со своим конвоем слишком долго задержался в штабе (номера Щетинина). Окраины города были захвачены белыми. Наконец они захватили нижний этаж штаба и погасили электричество во всем доме, чем выгнали меня с моим конвоем на улицу, где начался уличный бой. Потери с нашей стороны были очень значительные. При мне около 80 человек конвоя, а осталось позже 26 человек. И из них в конце концов при мне осталось пять человек. Я — шестой.

Мы очутились на улице, ведущей от кремля к театру, и вдруг столкнулись лицом к лицу с одиннадцатью белыми, вооруженными револьверами. Между ними было семь мужчин и четыре женщины, сошлись шагов на десять. Они закричали мне:

— Стой! Кто идет? Назовитесь.

После того ада, из которого перед этим вырвался, я был теперь в очень благодушном настроении духа и держал карабин за плечами. Сошлись шага на два. Я думал, что если я назовусь, то нас всех перебьют, так как белых было вдвое больше и у каждого револьвер-наган. У меня же — незаряженный карабин за плечом, ибо перед этим я все патроны выпустил. Заряжены ли винтовки у стрелков, я не знал.

Эти мысли промелькнули в голове с молниеносной быстротой, и в сравнении вышло, что противник в данной обстановке сильнее. Поэтому я решил сыграть на психологии. Я решил ошарашить и кавалеров и дам и крикнул им на повторные требования «Назовитесь»:

— Ступайте к...

Раздались крики:

— То есть как это ступайте к...? Кто вы такие?

Тут мой стрелок крикнул:

— Мы чехи.

— А, чехи, идите, только в другой раз не ругайтесь по-мужицки. Вы не в дикой стране.

И ушли.

«Ладно, ладно, — подумал я, — обошлось без кровопускания». Отойдя немного, мы пустились бежать.

До Октябрьской революции я оставался командиром 5-го латышского Земгальского полка. В конце марта был выбран депутатом от Исполнительного комитета офицеров XII армии в Петроград для приветствия Временного правительства. В Петрограде я сделал сообщение в собрании армии и флота о положении на фронте.

В течение 19—21 августа я с полком оборонял позиции у Маза и Лиела Югла во время атаки германцами Риги[1]. Особенно 5-й полк отличился в бою 19 и 20 августа на Малом Егеле, где полк занимал позиции на главном направлении прорыва по обеим сторонам Скрипте[2]. В течение 28 часов 5-й полк отбивал атаки всей прусской резервной гвардейской дивизии, и все атаки были отбиты.

С 8 часов вечера 20 августа я получил приказ отступить, ввиду прорыва германцами позиций соседних полков. В этом бою 5-й латышский Земгальский полк проявил небывалые в истории полевой войны примеры стойкости. За этот период полк получил 840 георгиевских крестов. За доблестное командование в этом бою полк присудил мне почетную золотую саблю и георгиевский солдатский крест 4-й степени. За этот же бой я представлен начальством к офицерскому георгиевскому ордену 4-й степени и к чину генерал-майора[3], но вследствие наступившей Октябрьской революции и демократизации армии эти награды не были получены.

После Октябрьской революции я был выбран командиром 2-й латышской бригады. Потом назначен командиром латышского корпуса. Был назначен приказом Главковерха[4] командующим XII армией, но в должность не вступил, так как был вызван в Могилев для занятия

---

[1] Это, по существу, был первый революционный бой латышских стрелков и других частей XII армии, ставших на сторону трудящихся, так как защищали Ригу, город, в котором совсем недавно, то есть 13 (26) августа 1917 г. при выборах в Городскую думу убедительной победы добилась социал-демократия Латвии — большевики. Кроме того, в условиях, когда реакционный генералитет во главе с верховным главнокомандующим Л. Г. Корниловым предательски способствовал захвату Риги противником, самоотверженность революционных частей не дала возможности германским империалистам окружить и уничтожить главные силы XII армии и вырваться дальше на север, создавая угрозу Петрограду.

[2] Усадьба.

[3] Повышение по службе И. И. Вацietис, демократические взгляды которого стали все более левыми, не получил.

[4] 9 ноября 1917 г. Верховным Главнокомандующим Совнарком РСФСР утвердил Н. В. Крыленко (1885—1938).

Группа преподавателей и слушателей Военной академии им. М. В. Фрунзе (И. И. Вациетис — второй слева в первом ряду).

должности начальника оперативного отделения революционного полевого штаба.

В начале апреля 1918 г.[1] я был назначен начальником Латышской советской дивизии, сформированной из демобилизованного латышского корпуса. Стратегической единицы в Советской России, положившей начало Красной Армии. Она оказала неоценимую услугу Советской власти при подавлении мятежей внутри Республики, в особенности в дни 6 и 7 июля при подавлении левоэсеровского выступления в Москве.

Подавление левоэсеровского мятежа в Москве происходило под моим руководством[2]. Поповцы захватили ряд домов в Трехсвятительском переулке и укрепились в нем. Отряд Попова состоял из двухсот человек при 8 орудиях, 48 пулеметах и при 4 броневиках.

Выступление этого отряда было неожиданным. Части Московского гарнизона были частью в лагерях, частью в городе. Только к утру удалось нам собрать два латышских стрелковых полка и одну латышскую батарею, одни инструкторские курсы и две инструкторские батареи. Однако оказалось, что стрелять в батареях не умели.

Пехота же под влиянием пулеметного и артиллерийского огня противника не могла продвинуться к месту расположения отряда Попова, который стал захватывать соседние улицы и вести агитацию в русских полках, вследствие чего один русский полк перешел на сторону левых эсеров, а другие отказались действовать против них. Необходимо было ликвидировать мятеж быстро.

Я решился на такой способ действий: приказал точно разведать, в каком доме находился штаб Попова, потом скрытно подкатить ближе к этому штабу одно орудие и направить выстрелы по штабу. Командир латышской батареи выполнил эту задачу очень лихо. Он подкатил к штабу Попова на 200 шагов два орудия и первый же снаряд запустил прямо в окно штаба, где происходило заседание. Бывшие на заседании

---

[1] Точнее, 13 апреля 1918 г.

[2] Речь идет, конечно, о командовании латышскими стрелками и другими красноармейскими частями при подавлении левоэсеровского мятежа в Москве.

вожаки мятежа были совершенно огорошены. Следующие снаряды заставили их бежать, а вслед за главарями разбежался весь отряд Попова.

Благодаря примененной нами уловке удалось ликвидировать этот мятеж без разгрома города и без единой жертвы со стороны населения. В войсках обеих сторон были убитые и раненые, но у нас очень немного.

8 июля 1918 г. я был назначен Главнокомандующим Восточным фронтом, а 4 сентября 1918 г. — Главнокомандующим Всеми Вооруженными Силами Республики.

За это время совершена колоссальнейшая работа, а именно:

1) создана Рабоче-Крестьянская Красная Армия;

2) одержаны многие крупные победы над врагами рабоче-крестьянской власти.

Строительство Красной Армии началось с августа 1918 г.[1] Работы по организации армии велись на регулярных началах:

1) Красная Армия строилась по однообразному штату, составленному лучшими специалистами;

2) Красная Армия построена на началах однотипности, все части назывались стрелковыми;

3) строительство армии велось на началах общей обязательной воинской повинности пролетариата;

4) строительство армии велось в условиях непрекращающихся военных действий, что более способствовало введению дисциплины в войсках.

Строительство Красной Армии начато было широко на Восточном фронте, там были организованы пять армий со штабом фронта в Арзамасе. С сентября началась организация Южного и Северного фронтов. Потом наступила очередь Украинского и Западного фронтов.

К 8 июля 1919 г.[1], то есть за 11 месяцев, было создано 4 фронта, в состав которых вошло 16 армий, всего 54 дивизии.

Во время организационной работы пришлось вести ожесточенные боевые действия на фронтах. Эта работа без хвастовства может быть названа титанической, не имеющей себе равных в военной истории.

За время моего командования одержаны крупные победы:

1) на Восточном фронте над чехословаками[2] и учредиловцами;

2) на Юге над донским и прочим казачеством Краснова;

3) освобождена почти вся западная часть Европейской России, причем были выгнаны германские войска[3];

4) нанесено сильное поражение армии Колчака;

5) разбиты войска уральского и оренбургского казачества.

Здесь необходимо отметить особенности положения главнокомандующего на его посту в Красной Армии. Ему не был подчинен тыл, то есть главный начальник снабжения и начальник Всероссийского главного штаба[4].

---

[1] Декрет об организации Красной Армии В. И. Ленин подписал 15 (28) января 1918 г. Первоначально РСФСР свои вооруженные силы организовала, опираясь на добровольческий принцип. Но с развитием гражданской войны и иностранной интервенции летом 1918 года пришлось перейти на всеобщую обязательную военную обязанность трудящихся. Решение об этом принял V Всероссийский съезд Советов. Так как главным участком гражданской войны тогда был Восточный фронт, именно там в первую очередь осуществлялся переход на определенную организационную структуру вооруженных сил. На востоке формировались строго регулярные дивизии, были созданы политотделы, отделы снабжения и т. п. Разумеется, все это и подразумевалось И. И. Вациетисом, когда он говорил о строительстве Красной Армии.

[1] До этого дня И. И. Вациетис занимал пост Главнокомандующего Вооруженными Силами РСФСР.

[2] Точнее — против чехословацкого корпуса, перешедшего в мае 1918 года на сторону контрреволюции.

[3] Это произошло после аннулирования Брестского мира 13 ноября 1918 г.

[4] Всероссийский главный штаб был подчинен Реввоенсовету РСФСР и занимался вопросами формирования, устройства и обучения Красной Армии.

В лице главнокомандующего сосредоточена вся инициативная часть работы в области военно-организационной и вся полнота власти в области стратегической. В силу этого на таком посту мог быть человек с широким военным образованием и богатейшим военным опытом и талантом, с полководческим складом ума и волей.

Обыкновенно я вставал в шесть часов утра. К семи часам привозили мне из штаба[1] оперативную сводку. С этого начинался мой трудовой день. В штабе я бывал два раза в сутки. Работа в штабе проходила в одном кабинете с начальником штаба[2] и членом Революционного военного совета республики[3]. В штабе я работал ежедневно не менее восьми часов. Там же я обедал и пил чай.

Всю оперативную часть (стратегию) я вел лично сам, сам же писал директивы командующим фронтами. Такой порядок взвалил на меня главную часть работы, но это было необходимо для нашего дела. Часто приходилось мне лично вырабатывать план операции какого-нибудь фронта, где командующий фронтом не оказывался на высоте своего призвания. Был случай, когда мне пришлось устранить командующего фронтом и лично руководить операцией в решительный момент.

В то же время я много писал специальных статей в газеты и составил подробное описание всех боевых действий, написал обширный обзор моей деятельности на посту главнокомандующего. Должен добавить, что я прочитал за это время все труды наиболее выдающихся полководцев. Ни разу я не был в театре, ни на концерте, ни в гостях с целью развлечься. Удовлетворение я получал в том, что под моим руководством создается огромная первоклассная армия и что эта армия одерживает блестящие победы.

На посту главкома у меня было столько важной, требующей глубокого продумывания работы, что мне

Командарм 2-го ранга И. И. Вациетис (вторая половина 30-х годов).

оставалось времени для сна не более 3—4 часов в сутки. Работа главнокомандующего требовала страшного напряжения. Приходилось строить огромную армию совершенно заново. И в то же время вести борьбу на все четыре стороны света, имея общую линию фронта около 8000 верст. В моем лице была сосредоточена стратегическая работа, а кому неизвестно, что эта работа и ее успех зависят исключительно от числа просиженных в штабе часов. Стратегия требует ума, вдохновения и воли, то есть тех элементов, из которых формируется талант.

Почти каждый день в кабинете и у себя на квартире я просиживал по нескольку часов перед стратегической картой и, анализируя ситуацию — нашу и противника, делал всевозможные выкладки в уме, чтобы найти наиболее выгодные решения. Я начинал обыкновенно с того, что старался разгадать наиболее вероятный способ действий противника и возможные случайности и слабые стороны. После детального изучения обстановки мне удавалось определить дальнейшие действия противника. На основании этого я начинал отыскивать лучшие способы

---

[1] Полевой штаб Реввоенсовета РСФСР находился в Серпухове. В марте 1919 г. в этом штабе было почти четыреста человек.

[2] Начальником Полевого штаба до июня 1919 г. был Ф. В. Костяев.

[3] То есть С. И. Араловым, которого сменил С. И. Гусев.

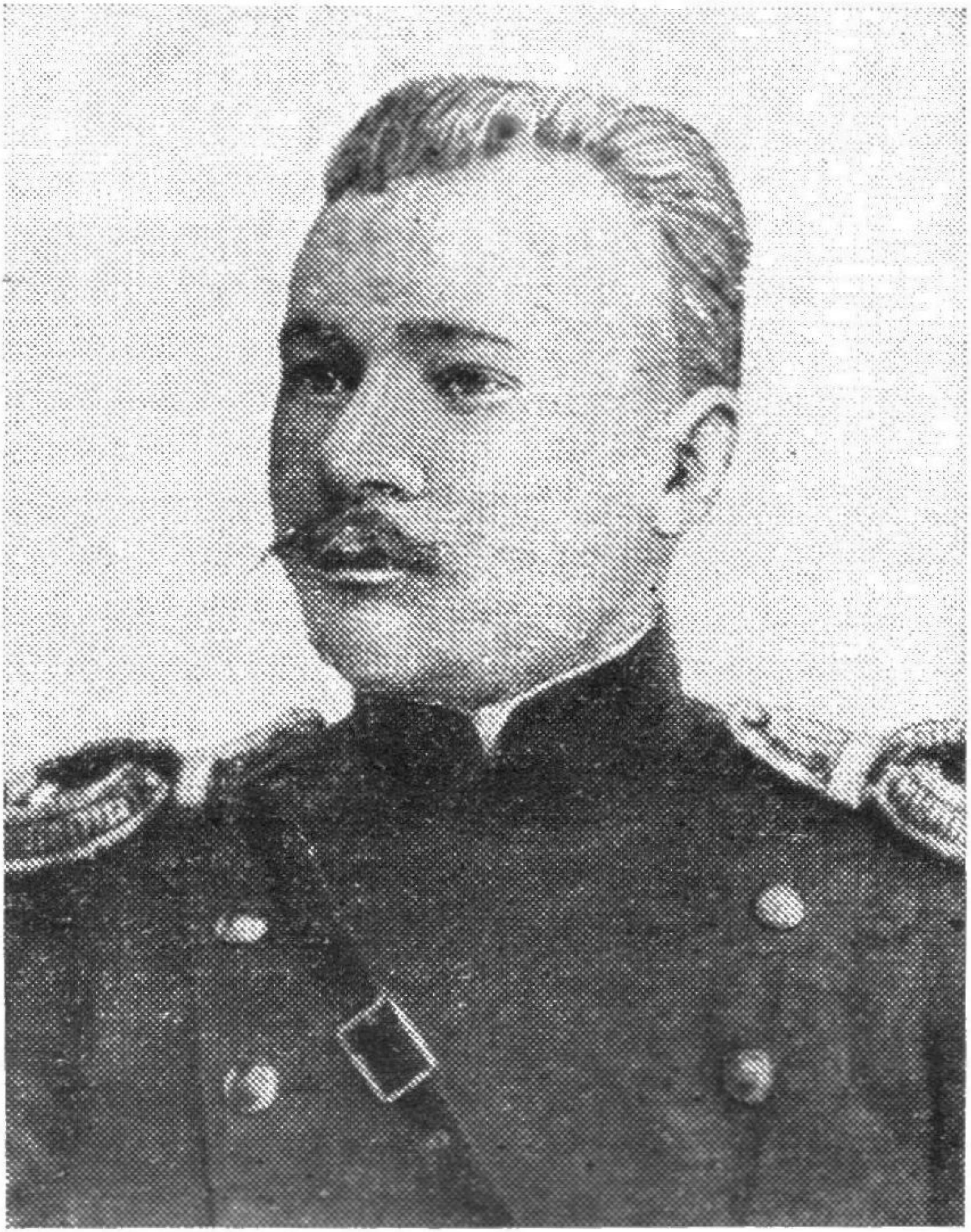
наших действий, которые в конце концов складывались у меня в голове в определенную директиву.

Одновременно я превосходно изучил географию европейской и азиатской частей России. Никогда я так хорошо и всесторонне не знал этот предмет. Я знал даже мелкие притоки рек и деревни, так или иначе отмеченные в военном отношении или где были расположены войска. Знал состояние промышленности и богатства каждого района, его население и историю...

Такую обширную работу, какую пришлось выполнять мне на посту главнокомандующего, можно было одолеть, целиком отдаваясь ей. Свободного времени у меня не было, поэтому не было и личной жизни.

Мемориальный дом-музей И. Вациетиса

И. Вациетис — юнкер Виленского пехотного училища (1895—1897 гг.)

И. И. Вациетис, командир 5-го Земгальского латышского стрелкового полка.

В штабе Восточного фронта летом 1918 г. (И. И. Вациетис — второй справа у стола)

Член РВСР А. И. Окулов, член РВС армии Советской Латвии Я. Я. Пиече (Пече) и главком И. И. Вациетис в Даугавпилсе в январе 1919 г.

В районе действий 2-й армии (И. И. Вациетис смотрит в бинокль)

Группа преподавателей и слушателей Военной академии им. М. В. Фрунзе (И. И. Вациетис — второй слева в первом ряду).

Командарм 2-го ранга И. И. Вацие-тис (вторая половина 30-х годов).